

АЛЕКСАНДР САНФИРОВ

ВОВКА ЦЕНТРОВОЙ

К Н И Г А # 1

Вовка-центровой

Александр Санфиров

Вовка-центровой

«Автор»

2015

Санфиров А. Ю.

Вовка-центровой / А. Ю. Санфиров — «Автор», 2015 — (Вовка-центровой)

Мастер футбольного мяча, чемпион Олимпийских игр, заслуженный тренер Советского Союза погибает от удара молнии. Волей случая и судьбы его душа и разум не покидают нашу грешную землю, а попадают в тело мальчишки, также пораженного молнией летом 1947 года. Перед человеком, выигравшим у судьбы невероятный шанс получить вторую жизнь, появилась возможность прожить ее заново. И он вновь выбирает спорт. Вооруженный неизвестными доселе знаниями, он легко становится известным игроком в своем родном городе. Его талантливую игру в футбол и хоккей сразу замечают известные спортивные деятели тех лет, а также Василий Сталин. И теперь путь Вовки-центрового лежит в один из известных клубов столицы. В книге присутствует нецензурная брань!

© Санфиров А. Ю., 2015

© Автор, 2015

Александр Санфиров

Вовка-центровой

Стюардесса была очень красива. Когда она наклонилась к Федору Ивановичу, он даже сглотнул, увидев в небольшом вырезе форменного платья молочно-белые полушария с розоватыми ореолами сосков. Она заметила его взгляд, но не улыбнулась, как бывало еще лет десять назад, равнодушно посмотрела и молча поставила маленький поднос на откидной столик.

Челенков печально вздохнул.

– Да, старость не радость, как никак седьмой десяток. Эх! Если бы не команда, давно сидел бы я на берегу и ловил карасей, – подумал он.

Он посмотрел по сторонам: ребята, утомленные последним матчем, почти все спали, не собираясь перекусывать, только Серега Андреев, запасной вратарь команды, что-то говорил стоявшей около него стюардессе, которая улыбалась ему во все тридцать два белейших зуба.

Мерно гудели моторы Боинга, до Москвы, оставалось еще около часа полета, и Челенков выпив бокал лимонада, откинулся на спинку кресла и задремал.

От дремы его оторвал неожиданно заговоривший динамик.

– Уважаемые дамы и господа, командир корабля предупреждает вас о входе в зону повышенной турбулентности, просим пристегнуть ремни и выполнять все указания стюардессы.

Вокруг зашушукались, пассажиры зашевелились, застегивая ремни. В иллюминаторе резко потемнело, и затем темноту разрезал удар молнии.

– Вот гадство, – подумал Челенков, – попали в грозовой фронт.

Летая на самолетах уже неизвестное количество раз, он видел и не такое, поэтому, пристегнувшись, собирался вновь задремать. Неожиданно над ним послышался треск, он поднял голову и увидел, как огненный столб надвигается на него, и пришла темнота.

Когда в салоне раздался треск, все непроизвольно повернули головы в ту сторону и увидели, как толстая извивающаяся молния проходит через замершего пассажира. В воздухе резко запахло озоном и паленым волосом, а подбежавшая к нему стюардесса коротко вскрикнула и упала без чувств, увидев черное выжженное отверстие в голове пожилого пассажира.

Вначале появился сумрачный свет и голоса, что-то невнятно бубнящие, потом уже вполне понятные, как будто несколько мальчишек переговаривались рядом с ним.

– Ну, че пацаны делать будем? Вовку то, похоже, молния убила, вон лежит и не шевелится, все, нам хана, надо взрослых звать, ох огребем мы на свою жопу, – сказал срывающийся мальчишеский голос.

– Да погоди ты поносом срать, – вступил в разговор второй, – ты смотри он же дышит, видишь, грудь и живот поднимаются.

– Точно мужики! – раздался третий радостный голос, – живой Вовка! Ему надо, эта, как его, искусственное дыхание сделать.

– Ты чо Мишка, с горы упал, какое на хер дыхание, он живой! Вишь дышит!

– Ну и что, это не помешает, – не унимался Мишка.

– Ну не помешает, так и делай, – был ответ его собеседников.

– Так я, эта, не умею, – сообщил Мишка.

В это время Федор Иванович, наконец, почувствовал, что у него имеются руки и ноги, которые, казалось, сейчас отпадут от боли, он зашевелился, и его голову пронзила такая боль, что он на долю секунды вновь потерял сознание.

Через какое-то время он опять пришел в себя, судорожно закашлял, затем, ерзая ногами по земле, встал сначала на четвереньки, потом выпрямился и огляделся вокруг.

Вокруг него простирался большой пустырь, по краю которого виднелись убогие домишки, за ними поднимались высокие кирпичные трубы какого-то завода, из которых валил густой черный дым. А прямо перед ним стояли десятка полтора мальчишек возрастом от двенадцати до пятнадцати лет, во все глаза разглядывающие его.

Одеты они были бедно, у большинства были старые застиранные рубашки у многих с заплатками и дырками, шаровары или короткие смешные штаны. На ногах в основном были сандалии, но вот у двоих были надеты старые разбитые бутсы, и даже выцветшие гетры. Где-то в глубинах его памяти всплыла похожая картина детства.

– Вовка, – ты живой? – почему-то шепотом спросил тот парень, которого называли Мишкой.

Федор Иванович, смотрел на него и ничего не мог сказать, голова была совершенно пустая, в ушах все еще звенело.

– Я не Вовка, – сказал он, наконец, хриплым голосом и вновь закашлял, при этом, опустив голову, сейчас разглядывал свои голые, грязные, исцарапанные, до невозможности мальчишеские коленки.

– Что происходит, куда я попал, что со мной? – панически возникали мысли в его голове.

– Слушай ребя, Вовку то молнией шарахнуло, он даже имя позабыл! – восторженно взвыл один из парней помладше. И ему тут же прилетел хороший подзатыльник от Мишки.

– Ты че Гусь радуешься, человек понять не может, что случилось, а ты смеешься! Сейчас еще получишь, понял? – зло выпалил тот.

– Да я Миха, ничо, не радуюсь, так. Удивился просто, – пробормотал мальчишка, названный Гусем.

– Вовка, ты как, пришел в себя или еще ничего не соображаешь? – обратился вновь Мишка к Челенкову.

Челенков, не слушая, начал лихорадочно осматривать себя, да, точно, он – мальчишка, сухой, тощий, в старой гимнастерке и коротких штанах, на ногах разбитые сандалии, мокрые от дождя.

– Вовка, ты, что совсем псих? Отвечай, вспомнил чего или нет? – вновь закричал Мишка, в его голосе явно нарастала паника, – Батя точно нас отлупцует, как сидоровых коз, когда со смены придет.

– А ты кто? – наконец выдавил из себя Челенков.

Вокруг послышались удивленные голоса.

– Ну, Вовка дает, придуривается токо так!

– Да Мишка я, твой брат младший, ну что вспомнил! – уже чуть не плача сказал парень.

– Нет, не вспомнил, – уже понемногу начиная соображать, сказал Федор Иванович, – скажи, а что со мной случилось, я не помню ничего.

– Мы играли в футбол, потом началась гроза, все побежали в башню, ты начал под дождем прыгать, ну тут в тебя молния и ударила, – хором заговорили ребята.

Федор Иванович лихорадочно размышлял.

– Никогда не думал, что со мной случилось то, во что совершенно не верил, от удара молнии мое сознание переместилось в какого-то мальчишку.

Он напрягся, но кроме вертящейся на языке фамилии ничего вспомнить не мог и ту же уточнил:

– Миша, мы с тобой Фомины?

Тот радостно закричал:

– Вот видишь понемногу начал вспоминать! Давай пошли домой, а то мамка заругает, мы и так задержались. А я тебя по дороге проверю, может, что еще вспомнишь.

– Ну, пока, ничего путного в голову не идет, – буркнул Вовка, то есть Федор Иванович, до которого в полной мере начало доходить, что он не в современном ему мире.

– Мишка, а день, то хоть какой сегодня? – спросил он, когда они уже шли вдвоем в сторону домишек.

– Ты и этого не помнишь, – вздохнул брат, – сегодня второе июля 1947 года, запомнил? Федор Иванович остановился, к его удивлению, он непроизвольно заплакал.

– Ты че Вовка, ноешь? – с удивлением в голосе спросил Мишка, – ну, тебя, однако, и треснуло, ныть стал. Ты ведь даже когда батя лупцевал, никогда не плакал.

Челенков шмыгнул носом и вытер его рукавом. Жесткая заплата больно ширканула по коже. Но слезы идти перестали.

– И ведь наверняка, это переселение навсегда, – думал он. Но по мере того, как они приближались к своему дому, в который ноги вели его сами, в душе тоска и уныние проходили, при мысли, что судьба дает ему шанс прожить еще одну жизнь.

Когда они вошли в грязный коридор, пропахший нафталином и дустом, Вовкины руки автоматически сняли сандалии и надели почти такие же домашние тапки.

Мишка первый прошел дальше, и когда Вовка последовал за ним, то обнаружил, что находится в маленькой кухне, в которой стоит спиной к ним худенькая женщина что-то размешивающая в кастрюльке, стоявшей на гудящей керосинке.

На шум она повернулась к ним, и Вовка увидел ее лицо еще молодой женщины чуть старше тридцати лет, когда-то очень красивой, но видимо бремя забот и тяжелый труд раньше времени состарили ее.

Мама вначале поглядела на них с улыбкой, но затем ее лицо стало задумчивым, потемнело, а потом она произнесла:

– Ну, быстро колитесь, что стряслось, и не врите мне, я вас вмиг на чистую воду выведу?

Федор Иванович, стоял молча, искоса поглядывая на Мишку. Наконец, тот решил и, как ухнув в воду, сказал:

– Мама ты только не волнуйся, в грозу Вовку молния стукнула.

Женщина побледнела, оперлась о стол, испачканными в муке руками.

– Вовик, это правда? – рыдающим голосом обратилась она к старшему сыну.

– Да, – коротко, ответил Челенков.

– Давай скорей раздевайся, я посмотрю, что там у тебя, может, надо врача вызвать, – засуетилась она.

– Да ладно, мама, не надо, у меня все хорошо, вот только я плоховато все помню, – начал отнекиваться тот.

Мать подошла к нему и, не слушая возражений, содрала гимнастерку. За спиной Федор Иванович услышал ее вскрик и восхищенное:

– О-го-го! – своего брата.

– Что там у меня? – ринулся он в угол, где висел умывальник, и над ним на полочке стояло небольшое зеркало. Но как не старался, увидеть свою спину не мог.

– Вовка, – успокаивающе сказал младший брат, – потом посмотришь, там у тебя такое дерево во всю спину выросло, как на картинках рисуют.

– Вова, немедленно раздеваться и в кровать, – скомандовала мама, – Мишка, сбегай до телефона на проходной, вызовешь неотложную помощь, скажешь, мальчика ударило молнией. Все понял?

Мишка скорчил гримасу, потому что до заводской проходной путь был неблизкий, но, тем не менее, послушно без звука, выбежал из дома.

Вовка, как теперь следует называть заслуженного тренера России, чемпиона Олимпийских игр, неоднократного чемпиона Советского Союза в составе ЦСКА, центрального нападающего Федора Ивановича Челенкова, лежал на сколоченной из досок двухъярусной кровати в большой комнате, укрытый одеялом, и шарил глазами вокруг. На другой стороне комнаты висела ситцевая занавеска, закрывавшая нишу, в которой стояла родительская кровать. Стены

комнаты были оклеены выцветшими от старости обоями, кое-где висевшие кусками, и там было видно множество черных точек, которые оставляли за собой клопы, удаляющиеся под утро, напившись досыта человеческой крови. Рядом с окном стоял большой раскидистый фикус в кадке, а над ним, со стены торчал большой черный репродуктор, из которого доносилась тихая музыка.

Посреди комнаты стоял большой стол, также сбитый из досок, без скатерти, а над ним горела тускло-желтым светом лампочка под большим оранжевым абажуром.

Над кроватью у Вовки висел коврик с оленями в альпийских горах. Глядя на него, он вспомнил точно такой же из своего детства и юности, у его бабушки был точно такой же, только этот казался новый и краски на коврике были яркими.

На деревянной полочке, рядом с несколькими фотографиями стояли в ряд учебники, и лежала стопка тетрадок. Под ней на гвозде висели два потертых офицерских планшета, из одного торчал учебник.

– Понятно, – подумал Вовка, – нет у нас портфелей. Ходим с планшетами, – и про себя начал истерически смеяться.

Больше в этой комнате кроме нескольких табуреток ничего не было. Мать продолжала возиться на кухне, стараясь успеть приготовить ужин к приходу отца. Она периодически забежала в комнату, трогала Вовкин лоб и спрашивала, что у него болит.

Через полчаса прибежал Мишка и с порога крикнул, что вахтер на проходной помог ему дозвониться и вызвал неотложку, те обещали приехать, как только освободятся.

– Ну че, Вовка, ты как? – спросил он, ворвавшись в комнату.

– Ну так, вроде ничего, вот только, как забыл все, так ничего вспомнить не могу. Послушай, Миха, – спросил он шепотом, – как родителей зовут наших?

Мишка широко открыл глаза.

– Ну, тебя, бля, и тряхнуло, даже это забыл! Маму зовут Людмила Николаевна, а отца Павел Александрович, запомнишь? – также шепотом сказал он.

Эти имена отозвались у Вовки в голове чем-то знакомым, и на секунду ему показалось, что он сейчас вспомнит все из короткой четырнадцатилетней жизни паренька, в которого попал неожиданно-негаданно. Но, увы, это только показалось, память так и не пришла.

У него опять закапали слезы.

– Да что за чертовщина, – подумал он, – почему плачу всю дорогу? Не плакал, черт знает сколько времени, и вот на тебе, может, это подростковый организм так на мое сознание действует? – промелькнула мысль.

В это время раздался стук в дверь. Было слышно, как мама в коридоре здоровается с врачом и просит его пройти. Вскоре к Вовкиной кровати присел доктор – пожилой сухенький старичок с острой бородкой и пенсне.

– Ну здравствуй, молодой человек, давненько я тебя не видел, пожалуй, года три прошло. Рассказывай, что сегодня приключилось?

– Так вот, доктор, говорят, меня молния ударила, – опять сильным голосом сообщил Вовка.

– Ты что, меня не узнал? – удивленно спросил старичок. – Ты же меня всегда по имени-отчеству звал.

– Не-а, не помню, все забыл после того, как молния стукнула, – ответил Вовка.

Мать, стоявшая за доктором, заплакала.

– И маму не помнишь, как зовут? – спросил тут же старичок.

– Маму помню, Людмила Николаевна, – ответил Вовка, косясь на подмигнувшего ему Мihu.

Мама плакать перестала и продолжила стоять за спиной врача.

– Ну, давай Володя, раздевайся, будем тебя смотреть.

Увидев спину раздевшего мальчишки, доктор протяжно засвистел что-то из оперетты Кальмана.

– Однако, действительно Людмила Николаевна, вашего сына ударила молния, я за всю жизнь наблюдал такое один раз и тогда больной погиб. А вашему парню повезло, повезло. В общем, так, я забираю его в больницу, дома оставаться ему нельзя, мало ли что, поздние осложнения и все такое. Давайте, соберете ему кое-что и в путь.

– Ох, Леонид Афанасьевич, а без больницы никак нельзя?

– Никак, – категорично сказал врач.

Мама опять зарыдала и пошла, собирать вещи в больницу. В это время в коридоре что-то загремело, упал какой-то таз или ведро, после чего в дом завалился Павел Александрович.

Он своей громоздкой фигурой заполнил почти всю комнату.

– Что тут у нас происходит! – забасил он. – Люда, ты что ли заболела, смотрю машина санитарная стоит?

– Паша, ты не волнуйся только, сегодня Вовку молния ударила, – пролепетала мама.

– Что-о, – взревел отец, – я вам, блядь, сколько раз говорил не прыгать под дождем, когда гроза идет. Ну, Вовка вернешься из больницы, получишь у меня. А ты, Мишуня, тащи сюда ремень! Сегодня твоя жопа за себя ответит и за Вовку.

– Паша, ты что, людей бы хоть постеснялся, – воскликнула Людмила Николаевна, густо покраснев.

– Да, действительно, Павел Александрович, у вас методы воспитания дедовские какие-то, надо вам их менять, – сообщил доктор.

– Леонид Афанасьевич, я вас, конечно, уважаю, – ответил Павел Александрович, – но другие методы на этих башибузуков не действуют. Я их еще мало колочу, надо бы больше.

Когда Вовка в сопровождении мамы и доктора вышел на улицу, то обомлел. Почему-то, прекрасно уже зная в каком году находится, ожидал увидеть обычную машину скорой помощи, а тут стояло какое-то чудовище, он не мог даже понять, что это за марка. Но тут его нетерпеливо подтолкнули сзади.

– Ну, чего встал, машины, что ли не видел никогда, – сказал ему врач, и Вовка полез по приставной лестнице в фанерный короб.

Внутри было совсем темно, и он на ощупь нашел жесткое сиденье, уселся на него, и только чертыхнулся, когда не обнаружил ремней безопасности.

Врач сел в кабину рядом с водителем, и машина, зарывав, двинулась, в темноту, а на крыльце, освещаемые тусклой лампочкой из открытой двери, темными силуэтами виднелись его родители и брат.

Минут двадцать спустя, поездка закончилась, они остановились у двухэтажного каменного здания, около которого горели два фонаря, болтавшиеся от ветра. Когда Вовка вылез из машины, водитель уже колотил ботинком в закрытые двери.

Но все же кто-то внутри, наконец, проснулся, в окне приемного покоя загорелся свет, а двери открылись, и оттуда высунулась усатая физиономия пожилой санитарки.

– Ну чо ты, Демьяныч, колотишь, двери ведь пробьешь, тебе сколько раз говорили, звонок для этого есть, вот счас, дам шваброй по башке, будешь знать, как двери ломать!

– Да ладно ворчать Наталья Петровна, давай открывай, – подошел к дверям Леонид Афанасьевич.

– Ой, да никак вы Леонид Афанасьевич нынче дежурите, я то и не знала, проходите скорее, кого это вы нам привезли? – заюлила санитарка.

Двери распахнулись шире, и приехавшие прошли во внутрь. Приемный покой представлял собой маленькую комнату с кушеткой и письменным столом, на котором стоял старый аппарат Рива-Роччи, склянка со шпателями и термометрами.

Вовку посадили на кушетку, а доктор исчез в дверях, которые выходили в высокий широкий коридор с мраморными полами, от которого несло карболкой.

Через несколько минут оттуда послышались шаги, это шел Леонид Афанасьевич и еще один врач, помоложе, который все пытался что-то выпросить у старшего товарища.

Они вновь раздели Вовку и любовались картинкой на коже его спины. Но, на этот раз ему все же удалось увидеть в трюмо, стоявшее в раздевалке, часть своей спины с багровым следом молнии. Санитарка отвела его затем в душ и, после помывки под жидкой струей теплой воды выдала ему полотенце и больничную одежду, которая была велика на несколько размеров. Но после того, как он закатал рукава и брюки все вроде стало нормальным и его отвели в палату, где уже спали сладким сном несколько человек.

Утро пришло неожиданно. Из открытой форточки веял прохладный ветерок с запахом травы, цветов и прошедшего ночью дождя. Вовка сначала даже не понял, где он находится, ему показалось, что он в своем загородном доме под Москвой, и сейчас надо вставать, чтобы ехать в спортивный лагерь. Но заводской гудок за окном быстро нарушил его иллюзии. Зато соседи по палате отреагировали на этот гудок вполне предсказуемо. Они проснулись и начали приводить себя в порядок.

Один из больных однорукий пожилой мужчина, глянул в Вовкину сторону и удивленно спросил:

– А ты парень, когда сюда попал, вчера тебя вроде не было видно?

Вовка, без особого желания ответил:

– Да вот молнию словил, вот и запихали сюда.

– Ух, ты! Вот это дела! – восхитились больные. – Смотри-ка, живым остался, ну ты и везунчик.

Однорукий, пристально глядя на Вовку, сказал:

– Увы, не всем так везет, мимо меня вот осколок не пролетел.

Лежащий в углу палаты старый заросший бородой дед не преминул заметить:

– Хватит тебе, Валентиныч, бога гневить, ты живой остался, и на ногах, а сколько народа полегло.

В это время в палату заглянула санитарка и завопила:

– Ну, сколько можно ласы точить, вперед на завтрак, скоро Ирина Васильевна на обход придет.

Вовка вскочил с кровати, и в палате сразу раздался дружный возглас удивления.

– Эко тебя раскрасило, пацан, – прокряхтел дед, – в тюряге такую наколку не нарисуют!

Вовка хотел накинуть больничную рубашку, но столпившиеся вокруг любопытные не давали ему этого сделать.

– Да отвалите вы все на хер, – пробурчал он, и тут же получил подзатыльник от одного из взрослых.

Нетренированное тело подростка плохо повиновалось его командам, но вбитые с детства навыки не подвели. Удар без замаха в челюсть, и мужчина уселся на пол, недоумевающе глядя по сторонам и потирая лицо. В палате наступила мертвая тишина.

– Ну что уставились, – вызывающе пробурчал Вовка, – в следующий раз подумает, как подзатыльники раздавать.

Он вышел в коридор и по запаху начал искать столовую комнату. В палате, когда Вовка оттуда ушел, старый дедок сказал:

– Ну и молодежь пошла, слова ей не скажи, сразу в морду бьет. Эй, побитый, хватит на полу сидеть, давай, подымайся.

– Нет, вы все видели? Этот хмырь меня ударил! – внезапно пришел к жизни сидевший на полу мужик. – Ну, это дело ему так не пройдет.

– Отвянь, Игорек, ты сам первый начал, – успокаивающе сказал однорукий, – а паренек, видать, боксер, как он тебя ловко приложил. Тебе лучше помолчать, а то выпишут на хрен, и будешь свой геморрой дома лечить.

После этого все пошли на завтрак и только деду, принесли жидкий чаек, кусок белого хлеба и кашу размазную прямо в палату.

Когда все шесть человек вновь оказались в палате, там опять настала неловкая тишина. Игорь, молодой парень лет двадцати пяти, бросал ненавидящие взгляды на Вовку. Тому с его почти семидесятилетним опытом было это глубоко параллельно, но соседи так не считали. Но тут двери распахнулись, и в палату вошла женщина средних лет в очках и белейшем халате.

– Здравствуйте, товарищи, – громко поздоровалась она и, кинув любопытствующий взгляд на Вовку, подошла тем не менее сначала к дедушке. До Вовки она добралась в последнюю очередь.

– Тебя ведь Володя зовут, – спросила она, смотря в историю болезни.

– Да, – коротко ответил он.

Ирина Васильевна удивленно вскинула брови и продолжила:

– Ну, расскажи, пожалуйста, что с тобой случилось.

Вовка скупно в нескольких словах рассказал о вчерашнем событии, и с его рассказом брови врача поднимались все выше.

– Интересно, интересно, – сказала она, – понимаешь, Вова, я ведь первый раз вижу человека, которого молния ударила. Ты бы не мог рассказать о своих ощущениях подробней.

После опроса, она тщательно осмотрела его, покачала головой, увидев красно-черные разводы на спине, и назначила ему рентген и анализы. Лекарств после долгого раздумья не назначила вовсе.

Только она вышла за дверь, как к Вовке сразу подскочил Игорь.

– Ну, фраер, ты попал, здесь тебя не трону, но подожди немного и узнаешь, как прыгать на незнакомых. У меня Софрон в кентах, понял? – прошипел он, брызгая слюной из дырки, которая была у него вместо двух верхних, передних зубов.

Вовке, который не знал здесь никого, было фиолетово, Софрон в друзьях у парня, которого он ударил или еще кто, поэтому он только с любопытством спросил:

– Так это Софрон тебе зубы выбил, чтобы легче у него отсасывать было?

Парень побелел, и ушел на свою койку. Потом собрал свои вещи, пошел к дверям, около них остановился, сказал, обращаясь к Вовке:

– Ты труп, – и вышел, хлопнув дверями.

– Зря. Зря, ты паренек так сказал, – неодобрительно буркнул однорукий, – ты что, не в курсах, что Софроновская кодла здесь весь поселок держит, так, что херовато тебе придется, на ножи поставят.

– Валентиныч, ну че ты опять к парню пристал. Ты не понял, что он от молнии все изображение потерял? Слыхал, как он с докторшей говорил, как не русский, – опять подал голос дед с дальней койке. – Ты лучше расскажи ему, что да как, объясни, а то выйдет из больницы, и зарежут в подворотне.

– Да бросьте вы, мужики, меня пугать, – ломающимся голосом сказал Вовка, – если из-за каждого петуха серьезный вор будет на перо ставить, так его самого живо опустят. Если этот Софрон узнает, что этот пидор его другом назвал, сами представляете, что с ним будет.

Опять в палате повисло молчание.

И тут подал голос один из молчащих до сих пор больных. Это был крепкий мужчина с насмешливыми внимательными глазами. Уши у него были, видимо, сломаны неоднократно и Вовка давно просчитал, что это кто-то из бывших борцов.

– А скажи парень, где это ты так наблатыкался, что понимаешь, когда ставят на перо, а когда нет.

– Так что тут такого, дяденька, у нас в поселке через дом да через два кто-то сидит, а кто-то выходит, не надо специально учиться, улица научит.

Говоря так, Вовка ничем не рисковал, и, хотя он пользовался своей памятью, его память подростка пятидесятих годов вряд ли сильно отличалась от сегодняшних реалий.

– Ну-ну, – неопределенно протянул мужчина, – а кто тебе удар ставил, расскажешь?

– Простите, – а не скажете, как вас зовут, – спросил его в свою очередь Вовка, – мне дяденькой называть вас вроде неудобно.

Тот засмеялся.

– Меня Николай Петрович зовут, так можешь и обращаться.

– А меня Владимир Павлович, но можете звать Вовкой, – прозвучал ответ.

Николай Петрович с удовольствием сказал:

– Шустер парень, так скажи, у кого занимаешься?

– Николай Петрович, понимаете, я вчера после молнии вообще ничего не помнил, вот только сейчас кусками стала память возвращаться. Мне кажется, что я ни у кого не занимался, может, к вечеру вам точнее скажу. А сейчас мне конкретные вопросы задавать сложно, вряд ли правильно отвечу.

– Ну что же, – подумав, сказал мужчина, – понятное дело, повидал я контуженных, а тут целая молния шарахнула, как ты еще имя свое не забыл?

– Так, а я и забыл, – сказал Вовка, – хорошо хоть рядом брат да товарищи были, те мне все и рассказали.

Они еще немного поговорили, но разговор не очень получался, потому что Вовке все время приходилось ссылаться на дырявую память. В конце концов, Николай Петрович написал карандашом на листе бумаги свой адрес и сказал:

– Тренер я, брат, понимаешь, вот только учеников у меня пока маловато. Только полгода, как демобилизовался. Школа спортивная у нас этим летом организовывается. Вот с сентября будем набирать учеников, тебя я приглашаю, есть у нас тренер по боксу, так что, если ты ни у кого еще не занимаешься, то приходи.

– Николай Петрович, скажите, а футбол у вас будет? – живо спросил Вовка.

– Будет, почему же не быть, и тренер у нас будет, до войны играл за Торпедо, так что разбирается. Если в футбол хочешь, приводи и друзей, только сам понимаешь, придется тебе норов свой умерить, нельзя кулакам так волю давать, – серьезно сказал Николай Петрович.

– Угу, – буркнул Вовка, – а взрослым, значит, можно?

– Хм, – замялся тренер, – ну, иногда и можно.

– И в данном случае тоже? – ехидно поддел его мальчишка.

– Странное, дело, разговариваю с мальчишкой, а ощущение вроде как с взрослым, как будто тебе не четырнадцать лет, а все пятьдесят, – удивился его собеседник.

Тут Вовку забрали на рентген, и разговор на этом завершился. После рентгена его путь лежал в лабораторию, где ему иглой Франка хотели взять кровь.

Но когда лаборантка, мазнув спиртовым шариком сначала по игле, а потом по пальцу хотела взять кровь, Вовка спрятал руку за спину.

– Ты что, мальчик, трусишь? – удивленно спросила девушка, едва ли старше его лет на пять.

– Нет, не трушу, а колоть этой иглой не дам. Мне гепатит Б совсем ни к чему.

Лаборантка открыла рот от удивления.

– Какой гепатит, я не знаю такого?

– Ну, в общем или доставай иглу, которой сегодня еще не кололи, или не дам брать кровь, – сказал Вовка и демонстративно отвернулся.

Девушка, что-то бормоча о малолетних придурках, подошла к стерилизатору и достала другую иглу. Вовка крикнул.

– И не вставляй ее в эту хреновину, уколи без нее.

То ли от растерянности, то ли от злости, но лаборантка так ему уколола палец, что кровь потекла, чуть ли не ручьем. После взятия анализа он пошел в палату, в которой уже сидел его брат.

– А ты откуда взялся, – удивился Вовка.

Вместо ответа, тот показала на распахнутое окно.

– Ну, ты как здесь? – спросил Мишка с опаской, – тебе лекарства не кололи?

– Не, лекарства не кололи, зато вон видел, как палец пробили, – Вовка показал палец с намотанным на него окровавленным ватным тампоном.

– Вот это да, – с тоном знатока заценил Мишка, – больно было?

– Да так, ерунда, – сказал Вовка, – лучше скажи, тебе то вчера попало?

– Да, не батя два раза только хлестанул, вот когда пряжкой первый раз попал, так больновато пришло. Мамка закричала, что хватит, ну он и отстал.

Тут в их беседу вмешался дедок.

– Так вы Пашки Фомина сыновья што-ли?

– Ну, да, – дружно ответили оба брата.

– А я-то все думаю, кого ты, пацан, мне напоминаешь, а вот как твой брательник-то в окно залез, тут я и понял, кто ваш батя. Он, стервец, мне в сад лет двадцать назад вот также залезал. Ох, я его потом крапивой и отмутил, – с ностальгией произнес дедка, – я ведь его с сорокового года не видал. Он в больницу не собирается зайти? – С надеждой спросил он.

– Нет, – ответил Мишка. – Он в эту неделю в первую смену, некогда ему по больницам шастать.

– Ну, лады. Тогда привет передайте ему от деда Вегелина, может, когда соберется и в гости ко мне в Верховье, ежели меня в этой больнице не залечат.

– Хорошо, дедушка, – вежливо сказал Мишка и повернулся к брату.

– А мы сегодня снова на пустыре в футбол гоняли, только без тебя у нашей команды плохо получается, парни говорят: скажи, пусть Фома быстрее поправляется, а то сегодня вчистую проиграли забугорским.

– Мишка, так я что в футбол хорошо играю? – тихо спросил Вовка.

– Конечно, ты вон вчера до молнии сразу трех забугорских обвел и гол им залепил.

Они бы еще болтали, но тут в палату быстрым шагом вошла Ирина Васильевна. Мишка даже не успел нырнуть в окно, как она была уже около них.

– Мальчик, а ты что тут делаешь? Откуда ты взялся? – Спросила она, слегка улыбаясь.

Мишка разом потерял все свое красноречие.

– Так, вот, эта, к брату, навестить.

– Ну, навестил и хорошо, а сейчас выйди и не через окно, а как все люди через дверь.

Тот боком протиснулся мимо нее и пулей выскочил в коридор, оттуда крикнул:

– Вовка, я к тебе завтра приду! – и убежал.

– Так, Володя, будь добр, объясни, что ты наговорил Анне Семеновне.

– Простите, Ирина Васильевна, я не имею чести ее знать, – ответил Вовка.

Со стороны больных послышались смешки.

– Вова, это лаборантка, которая брала у тебя кровь, так что ты там устроил? Говори?

– Да ничего я там не устроил, не хочу, чтобы у меня нестерильными иглами брали кровь и все.

Врачиха обвела глазами вдруг напрягшихся больных, взяла его за руку и повела из палаты. Они пришли в ординаторскую, небольшую комнатку, в которой стояли два облупившихся от времени стола, на них кипой лежали истории болезни, несколько чернильниц. А в бокалах стояли перьевые ручки и карандаши.

– Садись и расскажи, почему ты считаешь, что тебя кололи нестерильной иглой, – с серьезным выражением лица спросила Ирина Васильевна.

– Ну дак, что тут думать, – произнес Вовка, – если этой иглой она у десяти человек кровь взяла и спиртом только слегка протирала. Так это что, стерилизация?

– Так-так, Вова, а в каком ты классе учишься? – неожиданно спросила врач.

– Наверно, в седьмом, – неуверенно ответил Вовка.

– Ну вот, наверно в седьмом, а оттуда ты узнал слова стерилизация, гепатит, тебя в школе этому учили?

– Ирина Васильевна, ну что вы меня спрашиваете, сами понимаете, меня вчера молния ударила, что я вам могу толкового сказать, – пожал плечами мальчишка, – наверно, где-то прочитал, где еще?

– М-да, интересно, в какой такой книжке это написано и с чего ты вдруг решил ее читать.

– Да не помню я, Ирина Васильевна, и вообще вы когда меня домой отпустите?

– Ишь, чего хочешь, ты еще суток не пробыл, а уже домой запросился, вот понаблюдаем за тобой дня три и, если все в анализах будет хорошо, выпишем. Ладно, иди в палату, и смотри мне, чтобы вел себя хорошо.

– Конечно, Ирина Васильевна, никак иначе, – сказал Вовка и вышел из ординаторской.

Оставшись одна, Ирина Васильевна вытащила пачку «Казбека» из ящика стола, прикурила папиросу от зажигалки, сделанной из крупнокалиберного патрона, которую в конце войны подарил один из больных. Она медленно выпускала кольца дыма к потолку и раздумывала.

Тут в ординаторскую зашел Леонид Афанасьевич.

– Что, Ира, решила перекурить, дай-ка и мне папиросину.

Ирина Васильевна раскрыла вновь пачку, и врач, осторожно вытащив папиросу, желтоватыми от курева пальцами ее размял и прикурил.

– Третьего стрелка для снайпера у нас сегодня нет, – благодушно сказал он.

– Да, Олег там совсем пропал на приеме, – сказала Ирина Васильевна, – а ты, Леня, чего приперся, у тебя же отгул.

– Так вот хочу на паренька взглянуть, не каждый день такое случается, да еще и живой остался.

– Ты знаешь, Леня, что этот пацан сегодня отчудил?

– Ну и чего?

– Он в лаборатории отказался от взятия анализа крови, пока ему не взяли чистую иглу из стерилизатора, и представляешь, чем он это мотивировал? Что может через иглу заразиться гепатитом Б. Ты когда-нибудь слышал о таком?

– Да, очень интересно, а как он это объясняет?

– А никак, отперся от всего, молния стукнула, и ничего не помню.

– Ты, понимаешь, Ира, вообще его рассуждения не лишены логики, ведь следы крови на игле могут остаться даже после протирания ее спиртом, а в крови может, имеется, какой-то инфекционный агент, ведь так? Вот только он конкретно утверждал, что это болезнь гепатит Б. Логически рассуждая, какой мы знаем с тобой гепатит? Болезнь Боткина, ведь так? То есть – это гепатит А, а гепатит Б – это еще один микроб или вирус, поражающий печень. Может, он действительно прочитал какую-то статью в медицинском журнале, например, которую мы пропустили, а после того как молния его шарахнула, он и вспомнил про нее. Ты знаешь, а ведь это не пустяки, может нам вместе иглы Франка, скарификаторы использовать начать? Вон помнишь, у нас были ведь желтухи непонятные, и на Боткина не очень похожи, может от иголок и получены?

– Да ты что, Леня, где мы их возьмем, вон педиатры плачут, что им реакцию Пирке делать нечем.

– Ну, милая, под лежащий камень вода не течет, надо с главным переговорить, может, чего и получится, и в литературе посмотреть, где это парень про гепатит углядел. В общем, я пошел в палату, гляну мальчишку и домой.

Вовка тем временем пообедал. Больничный обед был совсем не плох: суп с мясом, на второе пюре с треской, и на третье компот. Он лежал и размышлял о своей необычной судьбе, когда в палату вошел Леонид Афанасьевич.

– Ну что, герой, пообедал? – с порога спросил он.

– Так точно, – вскочив, ответил Вовка.

– Ну вот, пользуйся моментом, дома-то тебя так не накормят.

– Это, да – вздохнул дед, прислушивающийся к разговору. – Интересно, когда карточки отменят, сил уже нет по очередям стоять?

– Отменят, отменят, Егор Кузьмич, обязательно отменят. Товарищ Сталин, если что обещал, обязательно выполнит. Мы в такой тяжелой войне победили, все сразу не получится, – сказал ободряюще врач и попросил Вовку раздеться. Он обстукал и осмотрел его со всех сторон, и продолжалось это минут десять.

– Неплохо, неплохо, все вроде в норме, – сказал он наконец.

– Леонид Афанасьевич, – спросил Вовка, – а эти ожоги на спине у меня пройдут?

– Ну, не знаю, – замялся доктор, – вроде они на всю жизнь остаются, вот только краснота наверняка пройдет.

– Ну и на этом спасибо, – вздохнул мальчишка, – а может, вы меня домой отпустите?

Леонид Афанасьевич улыбнулся.

– Нет уж, твой врач сейчас Ирина Васильевна, она все и решит. Ну, товарищи, – обратился он к остальным больным, – желаю всем быстрее поправиться, до свидания.

– Твои бы слова да богу в уши, – пробурчал Егор Кузьмич, когда дверь за врачом закрылась, – ходют, ходют, а толку нет.

Еще два дня Вовка провел в больнице, в это время он собрал все газеты, какие только мог, и внимательно их прочитал от корки до корки, до ухмылки соседей, не ожидавших от мальчишки такого усердия. Он даже сходил на политинформацию, которую проводила старшая медсестра для сотрудников отделения. На него там посмотрели с недоумением, но не выгнали. Но политинформация его разочаровала. Большую часть времени медсестра рассказывала, как тяжело приходится труженикам Североамериканских штатов и других капиталистических стран и про героическую борьбу компартий Франции и Италии за права рабочих. Он, собственно, все это уже прочитал в газетах, и каждое утро слышал из репродуктора.

Он пошел обратно в палату, там на койку, которую вчера освободил Игорь, устраивали средних лет мужчину. На плечиках его кителя были майорские погоны и эмблемы авиатора. Его ноги были ампутированы по среднюю треть бедра, поэтому под кроватью стояло несложное приспособление из досок с приделанными подшипниками и деревянная палка, которой инвалид должен был отталкиваться при езде. На кровати лежала гитара, явно сделанная под заказ. Легчик между тем оживленно говорил соседям по палате:

– Вот, мужики, сердечко прихватило, так в больницу забрали, и на какой спрашивается хер. Мне дома сын все сделал для удобства, а тут ни поспать, ни поспать по-нормальному.

– Да ты не стыдись, мил человек, – вступил в беседу дед, – мы же все понимаем, ты за Родину в боях пострадал, лежи не стесняйся. А вот струмент ты чего приволок, никак играешь?

– Да вот однополчане недавно подарили, – застеснялся майор, – приезжали ко мне и трофей из Германии привезли, знают, что я тренькать люблю. Вот с собой взял, чтобы скучно не было, еще осваиваю ее пока.

– Дак, тогда сыграл бы хоть что, – продолжал приставать Егор Кузьмич, – душу хоть бы потешил.

Летчик, поломавшись для приличия, взял гитару и начал наигрывать и тихо подпевать себе под нос:

Темная ночь, только пули
Свистят по степи

Гитара была чуть-чуть расстроена и резала слух Вовке, но он как и все захлопал в ладоши после незамысловатого исполнения майора.

– Товарищ майор, – сказал он нерешительно, – мне кажется, что гитара слегка расстроена. Давайте, я ее настрою.

Летчик без слов протянул гитару.

Вовка бережно взял в руки инструмент и пропал. Это была такая вещь, сразу стало ясно, что это ручная работа, да и сами струны были высший класс. Он осторожно тронул колки, гитара на это отозвалась мелодичным гулом. Расстроена она была совсем немного, и через минуту Вовка взял звучный аккорд. С этими пальцами было немного непривычно, но тем не менее за этим аккордом последовал другой и третий.

– Слушай, парень, – сказал летчик, – я гляжу ты в этом деле дока. Может, и споешь что-нибудь.

После недолгого раздумья Вовка сказал:

– Хорошо, я вам спою песню, совсем недавно услышал, парни во дворе пели. Она про летчиков.

Он дважды сделал проигрыш, и его пальцы уже почти свободно бегали по грифу. Затем вдохнул и начал петь своим ломающимся юношеским тенорком

Я Як истребитель, мотор мой звенит
Небо моя обитель
А тот, который во мне сидит
Считает, что он истребитель

При первых же словах песни пилот замер и слушал не дыша.

Да и вся палата слушала, затаив дыхание. На середине песни майор заплакал, по его лицу текли крупные слезы, но он не обращал на это никакого внимания и был весь там в бою. Но вот отзвучал последний аккорд. И тут пилот пришел к жизни.

– Парень, скажи прямо, ведь это ты сочинил? Не слышал я такой песни никогда. Вот как ты так смог, ведь это прямо про моего друга, как будто он здесь был!

Вовка смущенно сказал:

– Да нет, точно не я, где мне такие песни сочинять.

– Лады, – решительно сказал майор, – мне другую гитару найдут, а за эту песню вот тебе подарок, гитара твоя!

– Вот только слова песни запиши мне, пожалуйста, – добавил он.

– Слушай Володя, может, что еще споешь, неплохо получается у тебя, – попросил Николай Петрович, – я хоть в разведке был, но все равно за душу взял.

– Ага, сейчас я вам весь репертуар Владимира Семеновича выложу, – подумал Вовка, – вот уж дудки, и так палюсь по полной программе.

– Да я про войну больше не знаю новых песен. И вообще у нас вечером больше уркаганские песни пели. Вот тех кучу знаю, – признался он.

Летчик поморщился:

– После этой песни, об урках петь преступление.

– Ну отчего же, – вступился за Вовку Николай Петрович, – есть у них жизненные песни. Сам, небось, знаешь, от сумы и от тюрьмы не зарекайся.

– Это, да, – задумчиво произнес инвалид, почесывая плохо заживший шрам на бедре, – тут дело такое.

Вовка тронул гитарные струны и тихо начал.

Как посадишь рассаду, так и манит она
Так и годы уходят в туман
И любви мое сердце не знает,
Сколько пролито слез – океан

Все мои расчудесные годы
отобрала старуха тюрьма,
у меня нет любви средь природы
счастья нет у меня впереди

Когда он закончил длинную тоскливую песню, все сидели задумавшись.

– Ну ладно, сейчас напоследок спою вам песню Клавдии Ивановны Шульженко, – сообщил Вовка и вновь запел уже осипшим голосом:

Майскими короткими ночами.
Отгремев, закончились бои

Когда он закончил, то почти не мог говорить.

– Ты, внучок, водицы испей, – неожиданно ласково предложил дед, – или лучше иди-ка сюда, мне вечер из дому кваску самодельного принесли, тебе в самый раз выпить будет. Голос то вишь у тебя сейчас ломается, много петь нельзя, а то осипнешь на всю жизнь. А вы молодежь, – обратился он к остальным, – не насилуйте парня, совсем из-за вас голос сорвет.

Следующим днем Вовка покидал больницу. Доктора, как ни старались, ничего у него не нашли, анализы и рентген были в норме. Мишка уже с утра ожидал его на скамейке.

– Вовка, ты где гитару взял? – восторженно завопил он, увидев брата с гитарой за спиной и узелком, в который заботливый дед сложил половину, того, что принесли ему из дома.

– Бери, – сказал он отказывающемуся парню, – у тебя растущий организм, надо много есть, а мне, сам видишь, даже больничной пайки много.

– Да не ломайся ты, как девка, – сказал летчик, – бери, пока дают.

Вот сейчас Вовка вышел в с утра залитый жарким солнцем больничный двор. Он молча сунул узелок Мишке, и сказав: «Подарили мне ее», пошел к воротам. Мишка в припрыжку побежал за ним.

– Вовка, а чо в узелке у тебя вкусно пахнет? – крикнул он вслед брату.

– Да вот дед один дал, сказал, что съесть не может, – сказал Вовка, – хочешь, так давай посмотрим, что там?

Они присели на скамейку сразу у ворот и быстро просмотрели содержимое. После завтрака Вовке есть не хотелось, и он с удовольствием наблюдал, как его братец расправляется со стопкой ржаных блинов. Съев все до последней крошки, Мишка побежал к колонке, которая была тут же у дороги.

– Вовка, поддержи ручку, а то у меня не получается сразу и пить и ее держать!

Вовка нажал ручку, и тут почему-то его свободная рука нажала на Мишкин затылок, сунув его голову под холодную струю воды. Мишка выскочил из-под колонки и закричал:

– Ты опять за свои шутики, взялся, ведь же обещал так не делать больше.

Вовка стоял в недоумении.

– Интересно, что меня толкнуло, ведь даже мыслей не было это сделать. Видимо, пробивает потихоньку детскую память моего нового тела, – решил он.

– Да ладно, Мишка, не злись, сегодня жарко, так, что полезно окунуться.

– Ага, сам то, что не окунулся, – сказал Мишка с обидой, но долго злиться он не мог. – Слушай, а что ты сегодня делать хочешь? Мамка на работу уходила, сказала, чтобы с больницы прямо домой шел и ни на пустырь, ни на речку не ходил, спросил он.

– Миха, а до сколько мама на работе, спросил Вовка?

– О, так ты до сих пор ничего не вспомнил, – разочарованно протянул тот, – я-то думал, раз сунул меня под колонку, так все уже в порядке. Она к шести придет, не раньше.

– Ну, раз так, тогда, что нам дома делать, я есть не хочу, ты вон, тоже все блины съел, давай идем домой переоденемся и пойдем, поиграем в футбол. Ты меня хоть со всеми пере-знакомишь, видишь, что я еще не помню ни черта, как буду в школе учиться, не понимаю? – с горечью сказал Вовка.

– Точно, – вдохнул Мишка, глядя на него круглыми глазами, от удивления, – ты же все забыл, так тебе, что в первый класс придется идти?

– Ну наверно в первый класс я не пойду, но вот учебники придется все прочитать, а то точно двоек нахватаю, – согласился Вовка, – и тебе задание, все мне рассказывать, о тех, кто нам будет встречаться, понял?

Пешком до дома от больницы оказалось совсем не быстро, как на машине. Пришли они уже в первом часу. Есть хотелось уже прилично. Мишка вытащил из духовки кастрюлю с постными щами, и они, усевшись за стол быстро срубали ее, заедая невкусным черным хлебом.

– Слушай Вовка, я совсем забыл, – сказал Мишка поникшим голосом, когда достал половинку черной буханки, – ведь надо было зайти в магазин, хлеб получить по карточке.

Да еще сегодня должны были масло подсолнечное давать. Ну, все, батя выпишет сегодня ремня нам по жопе.

– Мишка, так пошли сейчас, возьмем все, что нужно, – сказал Вовка.

– Не ты точно Вовка, совсем ни хрена не помнишь, сейчас магазин поселковый закрыт до четырех часов. А в других нам ничего не дадут. А там очередь, уже с обеда стоит. Мы, конечно, встанем, но сегодня может и не хватить ничего. А если хватит, то мы уже в темноте пойдем, отберут у нас все, да еще и пиздюлей отвесят. Нашего батю, в поселке боятся, но ему некогда по улицам ходить искать концы, он лучше нам навешает, чтобы драться могли. Ты помнишь, как нас на прошлой неделе отоварили? Да ни помнишь ты, ни хрена, – сказал в полном унынии Мишка, – ты сам сидел и ныл, когда тебе Граф в глаз дал.

– А это еще кто такой? – спросил удивленный Вовка, – что еще за графья тут живут?

– Да не графья, а Граф, шестерка Софрона. Ты когда сказал бате, что тебя Граф побил, так он тебе еще добавил, сказал, что, если не можешь сдачи дать, не жалуйся, вдвойне огребешь.

Вовка задумался.

– Да у Павла Александровича воспитание было то, что надо. Ну, что же пора менять приоритеты.

– Миха, давай, бери карточки и сумку, мы идем в магазин, – скомандовал он. Брат окинул Вовку сомневающимся взглядом, но все же полез в комод и вытащил из верхнего ящика два желтоватых листка карточек, из которых сегодня продавцы вырежут два прямоугольничка, по которым им придется получить хлеб и масло.

Когда они подошли к магазину, очередь из бабок и дедок выходила из магазина метров на двадцать. Сначала Вовка слегка сдрейфил, в его детстве он такие очереди видел только в 1964 году, когда в Союзе был неурожай. Но потом, когда он заметил, что никто не лезет вперед и сзади к магазину никто не подходит, то решил, что и сегодня они получают все, что нужно. В очереди их знали многие, и те, кто знал, знали и о молнии, и вскоре его уже задолбали

вопросами о самочувствии. Время в очереди шло медленно, но все же, она двигалась. К шести вечера они попали в магазин.

– Хорошо, я мамке записку написал, а, то побежала бы искать, – сказал Мишка, – она уже домой скоро придет.

Когда с хлебом и маслом, налитым в бутылку из-под ленд-лизовского американского виски, они вышли на улицу, уже смеркалось.

– Ну, вот, Вовка, давай бегом домой, а то опять, как в тот раз кодлу встретим, и все.

Хлеб отберут, а тебе морду начистят.

– А тебе, что не чистят, что ли, – удивился Вовка.

– Не, я еще маленький, – сказал Мишка, – считается западло меня бить.

Они шли по плохо освещенной улице, до дома оставалось совсем немного, когда из-за ближайшего угла вышло четверо парней.

– Эй, парнишки, ну-ка швартуйтесь к нам, – прозвучал уверенный голос, – деньги махру сразу доставайте.

– Я же тебе говорил, – раздался в Вовкином ухе жаркий Мишкин шепот, – сейчас все отберут, да опять тебе морду начистят.

Подойдя ближе, Вовка в свете ближайшего фонаря оценил диспозицию. Трое парней, его одноклассов и парень постарше года на два. Все они строили из себя урок, и были одеты соответственно. Вокруг не было ни души.

– Ты опять здесь Фома! – вновь раздался обрадованный голос, – мало получил в прошлый раз.

– Представьтесь ребята, а то нехорошо вы меня знаете, я вас нет, – спокойно ответил Вовка. Парни недоуменно переглянулись. Потом один из них мелкий веснушчатый мальчишка в надвинутой до ушей кепке заикаясь, сказал:

– П-п-парни, его же на днях молнией е-ебнуло, г-г-г-ворили, что о-он п-п-память п-потерял.

– Ну, сейчас он ее снова потеряет, – сказал главный в этой компании, надевая на правую руку свинцовый кастет.

– Так нечестно, – пискнул Мишка из-за Вовкиной спины, – вас четверо, да еще кастет. Я завтра всем расскажу, что вы поселковых, как городских бьете.

Парни переглянулись, и кастет был убран.

Вовка, пользуясь заминкой, быстро сказал, обращаясь к старшему.

– А давай один на один стукнемся, или засышь, кодлой бить будете?

– Не вы слышали, что он сказал? – обратился заводила к остальным, – неделю назад был почти на этом месте, а сейчас драться хочет.

Мальчишки дружно засмеялись. Еще бы, их предводитель был почти на полголовы выше Вовки и килограмм на десять тяжелее.

Он вышел вперед и выплюнул окурок, который во время беседы торчал из угла рта.

Неожиданно его нога, обутая в кирзовый сапог, вылетела вперед, цель была Вовкины яйца. Но тот, отскочив назад, резко разорвал дистанцию.

– О, смотрите, Фома, как козел заскакал, – раздался насмешливый выкрик.

Но Вовка уже ничего не слышал, давно не испытанное чувство вновь захватывало его, а в голове крутились бесконечные драки его прежнего детства, когда он сам был их заводилой. Видимо выражение его лица настолько изменилось, что его противник тоже стал серьезен, и уже без пренебрежительной улыбки пошел в наступление. Вовка хорошо понимал, что стоит ему пропустить удар от значительно более тяжелого противника и он уже не боец. Поэтому он все делал, чтобы уйти от этого удара. А тот никак не попадая в юркого мальчишку, уже совсем забыл об обороне, и размахивал руками, как граблями. Вот на таком замахе и подловил его

Вовка, четко ткнув кулаком в подбородок. Его противник, постояв долю секунды, кулем упал на землю.

После этого Вовка повернулся к растерянno смотревшим на это хулиганам и сказал.

– Кто следующий получить пиздюлей?

Заика пятился назад, повторяя без заикания:

– Вовка, не надо, мы же с тобой в одном классе учимся.

Но, когда тот шагнул вперед, вся троица бросилась в темноту, оставив своего вожака лежать на дороге.

Вслед за ними по пустынной улице разнесся победный Мишкин вопль. Он подбежал к поверженному врагу и хотел с разбегу заехать ногой ему под ребра. Но Вовка вовремя крикнул:

– Не смей, сейчас сам получишь, нельзя лежащих бить!

Он наклонился над лежащим парнем и спросил:

– Мишка, а это кто?

– Ты, что Вовка, и Графа не узнал? Это же Витька Графов, это он тебе на прошлой неделе отпинал. Тогда тебе батя еще добавил за нытье и жалобы.

Вовка потрепал Графова по щеке, тот в ответ открыл глаза и начал медленно оглядываться.

Затем он медленно сел и с удивлением спросил:

– так ты, что пацан меня отрубил, что ли?

– Выходит, что так, – ответил Вовка.

– А что кенты мои сдернули?

– Сдернули. Сдернули! – злорадно завопил Мишка, – бежали только пятки сверкали.

Графов, пошатываясь, поднялся:

– Ну Фома у тебя и колотуха, оказывается, а я тебя за пустое место держал, – сказал он, оглядываясь по сторонам, – а мои действительно сдернули, послушай, – обратился он вновь к Вовке, – давай к нам в компанию приходи, где мы собираемся, знаешь, но долго не думай, я один раз приглашаю.

После этой речи Витька, потирая челюсть, и слегка пошатываясь, исчез в темноте.

Пока шли до дома, Вовка устал от восторженного описания боя. Мишка то и дело комментировал:

– Он ногой, а ты ее рукой отбил! А он со всего размаха! а ты ему в челюсть тырс, и отрубил!

– Дома не говори, – буркнул Вовка перед дверями, Мишка послушно кивнул головой. Но когда они зашли в дом, Мишка вылетел в комнату, где за столом сидели родители и, с ходу заорал:

– А Вовка сейчас Графа вырубил! На нас у дома Кияновых его кодла наехала, а Вовка один на один Графа уделал.

Мать побледнела и ахнула. А вот эмоции Павла Александровича были не так понятны.

Он почти не изменился в лице, и с надеждой спросил:

– Вовка, это правда, точно отрубил Витьку?

– Да папа, одним ударом, – кратко прозвучал ответ.

Отец медленно встал из-за стола, и почти уперся головой в потолок.

– Мать, – сказал он, – достань-ка чекушку, которая у тебя лежит, это дело надо отметить! Я уже не верил, что такое случится. Вовка, иди ко мне, дай тебя обниму сынок, нет, все-таки заиграла в тебе моя кровь!

Недовольная мать, со стуком поставила на стол чекушку водки. А Павел Александрович, тем временем шарил по карманам.

Он вытащил из них несколько бумажек и сказал:

– Вот бери, тут на мяч должно хватить. Это тебе мой подарок, за то, что человеком стал, а не размазней. Потом обратился к матери:

– Ну, что Люда нахмурилась, радоваться надо, а то всю дорогу парень битый приходил, а теперь вишь, как дело повернулось. Хоть не стыдно соседям в глаза смотреть.

Павел Александрович налил граненый стаканчик себе, а во второй чисто символически ливнул несколько капель.

– Ну, Люда, давай за наших обормотов, чтобы все у них было хорошо.

Он единым махом опорожнил стопку и тут же налил себе следующую. Выпил ее уже без тостов, с сожалением посмотрел на пустую бутылку и принялся за свежую картошку, поджаренную на плохом подсолнечном масле. Вовка и Мишка, усевшись за стол, не отставали от него. А мама, уже поужинавшая, с удовольствием глядела своих мужчин. Но затем она устроила Вовке целый допрос, и с каждым его ответом, становилась все мрачнее и, наконец, заплакала.

– Ну, что плачешь, Людочка, – неожиданно ласково заговорил ее муж, – ну забыл парень, после молнии что-то, со временем пройдет, а может, и к лучшему, если бы помнил, как его Витька колотил, и сдачи бы не смог дать, как следует. Главное доктора сказали, что здоров, так что пусть гуляют, пока время есть. В следующем году уже так не получится, на завод его возьму, пусть в учениках слесаря поработает. А ты смотри Вовка нынче тебе в восьмой класс идти, а ты не помнишь ничего, так, что придется вечерами учебники читать.

По окончании нравоучений и мытья посуды, все уселись за стол и начали играть в лото под звуки классической музыки из репродуктора.

Через час, отец скомандовал спать, Мишка полез на верхнюю койку, а Вовка улегся вниз.

Свет был потушен, за окном была темнота и только от завода, слышался далекий скрежет работающих механизмов.

Вовка лежал, на кровати упершись взглядом в доски второго яруса, сна не было ни в глазу. Минут через двадцать, когда Мишка громко засопел, за ситцевой занавеской у родителей ритмично заскрипела кровать, вскоре раздался сдавленный женский стон, после чего оттуда также донесся храп отца.

Вовка все не мог заснуть, он все думал, что и как делать. Плыть по течению, оканчивать школу, поступать учиться дальше, или сразу пробиваться в футболе, показать себя, хотя, что значит, в это время быть футболистом, ничего особенного, только известность, с которой нет особого проку. Так ничего и, не придумав, он решил, что пока надо просто жить и только осмотревшись, предпринимать какие-либо шаги. Все же он через какое-то время, заснул, несмотря на шипение закончившего передачи радио.

Его, как и родителей разбудил рупор.

Отец и мать, переговариваясь, одевались у себя за занавеской, Мишка, спал как убитый, несмотря ни на что. В рупоре играл гимн Советского Союза.

Отец, выйдя в комнату, удивленно посмотрел на него.

– А ты чего вскочил, спал бы еще. Куда тебе торопится?

– Да, не батя, – сказал Вовка, – что-то не спится, сейчас на зарядку сбегая, потом ополоснусь.

– Мать, ты слыхала, что сын говорит, – засмеялся отец, – а ты рыдала вчера, всех бы так молния ударяла, было бы здорово.

Между разговором отец ловко правил опасную бритву на широком кожаном ремне, и затем, намазав лицо помазком уверенными широкими движениями начал бриться.

– Хорошо, хоть во взрослого не попал, – мелькнула мысль у Вовки, – хер бы я побрился, скорее горло перерезал.

Пока отец умывался мать, успела собрать завтрак на столе, холодная вареная чечевица черного цвета и чай с ржаным хлебом. Родители быстро поели и стали собираться на работу. Заводской гудок уже гудел вовсю.

– Вова, – сказала мать, – когда, свою зарядку сделаешь, разбуди брата, вам сегодня задание распилили два бревна на дрова, если не помнишь, где, что, Мишка покажет, и в магазин сходите, может сегодня сливочное масло будет, говорили что по пятьдесят грамм на человека дадут. В духовке луковый суп, не забудьте поесть.

Говоря все это, она полезла под кровать братьев и начала там что-то искать. И со звоном извлекла оттуда гитару.

– Пашка, ты посмотри, что у парней под кроватью! – упавшим голосом произнесла она.

Отец, уже стоявший у дверей быстрым шагом подошел к старшему сыну и схватил его одной рукой за грудки и легко поднял в воздух, Старая гимнастерка подозрительно затрещала, а у Вовки сперло дыхание.

– Сейчас задушит, – мелькнула мысль. Между тем Павел Александрович побагровел и, продолжая легко держать сына на весу, закричал:

– Ты, что воровать начал, признавайся, да я тебе сам руки выдерну, если что. У Фомина сын вором стал! Признавайся! – и тряхнул Вовку еще раз. Тот, полузадушенный, махал руками не в силах ответить, и только пронзительный вопль проснувшегося Мишки спас положение.

– Папка, ему летчик гитару в больнице подарил! Не бей его!

Отец разжал руку, и Вовка почти упал на пол, Он стоял, растирая шею, а отец со смущенным видом стоял рядом.

– Пашка, вот ты так всегда, сначала не разберешься, и дров наломаешь, – сказала ему жена, она стояла красная от волнения и тяжело дышала, – я думала ты его сейчас задушишь.

Тем временем отец, подозрительно смотря на сына, спросил:

– Так за какие такие заслуги тебе гитару подарили?

– Ну, я песни в палате спел, летчику понравилось он, и подарил мне гитару, у кого хочешь, можешь в больнице спросить, – обиженно сказал Вовка, – А вчера, просто после драки забыл про нее, хотел ведь на стену повесить.

– Так, так, – задумчиво сказал отец, – слышал раз, как ты в компании во дворе на чьей-то гитаре тренькал и песню орал, за такое пение я бы ноги выдернул, а не инструмент немецкий дарил.

Вместо ответа сын взял гитару из рук матери, уселся на табурет и сделал пару проигрышей.

– Ах ты шкет сопливый! – в полном восторге воскликнул Павел Александрович, – когда и успел так научиться. Ну, прости, погорячился, ладно пора на работу, а придем домой, ты уж тогда нам тогда сыграешь, и споешь.

Когда родители ушли, Мишка слез со своей верхотуры и сказал:

– Слушай, я думал тебя батя задушит, ну и видуха у него была. Я чуть не обоссался от страха.

От перенесенного волнения Вовке уже не хотелось никуда бежать на зарядку.

– Ай, ладно, мать сказала пару бревен на чурки распилить, вот и зарядка будет, – подумал он.

– Ну, Миха, спасибо, что крикнул, а то я даже слова не мог вымолвить, – поблагодарил он брата, – ты знаешь, мама сказала, чтобы мы дрова напилили, и в магазин сходили, давай сразу сейчас чаю попьем и с утра дрова распилим.

Мишка скорчил недовольную гримасу, но промолчал.

Чайник, поставленный на старую обгоревшую замызанную электроплитку с открытой спиралью, еще до ухода матери, начал только пошумливать. Братья заправили кровати. Вовка нашел гвоздь и молоток с помощью Мишки и повесил гитару на стенку рядом с планшетами. Затем они пили чай, мирно разговаривая о том, о сем. После чая они вышли во двор, бревна были видны издалека, это были старые телеграфные столбы, сгнившие снизу. Братья вытащили из дровяника старые козлы и пилу, рассматривая, их старший брат понял, что их батя особым

трудолюбием дома не отличался, козлы были ушатаны, а пила тупая и нуждалась в разводке и заточке.

– Мишка, а где у бати напильники и другой инструмент, спросил он у брата.

– Так вон ящик в углу сарая лежит, там все и есть. К счастью несколько напильников и плоскогубцы там присутствовали, поэтому с полчаса было посвящено пиле. Мишка пристально следил за ловкими руками брата и только один раз высказал свое удивление вслух.

– Вовка, точно тебе молния в нужное место стукнула, и Витьку побил, на гитаре играешь, и даже пилу точишь, ловчее, чем батя.

Затем они водрузили столб на козлы и работа закипела, первое время у них не получалось вовремя ритмично тащить пилу на себя, но затем после непродолжительной перепалки дело пошло. Через час около дровяника лежала куча ровных чурок, и братья, довольные собой, стали собираться в магазин. Глянув на будильник, Вовка обнаружил, что еще только десятый час.

– Во, точно, кто рано встает, тому бог подает, – подумал он, сейчас сбегам в магазин и займусь своими делами.

Но так просто слетать в магазин не получилось. Народ, возбужденный слухами о сливочном масле, столпился у магазина в необыкновенном количестве. Карточки на масло давали только семьям с детьми, но такие были почти все, и сейчас стоявшие в очереди люди были озабочены, по сколько масла будут давать на одну карточку. Счастливицы, которые занимали очередь уже с шести утра, начали понемногу появляться с товаром и вскоре все узнали, что дают по пятьдесят грамм на ребенка. Очередь шла быстро, и к двенадцати часам парни, получив свои сто грамм масла и две буханки хлеба, пошли домой, с чувством исполненного долга.

– Луковый суп был выхлебан и Мишка захотел удрать на улицу, пока его брат мыл посуду. Но был пойман за шкуру, прямо у дверей.

– Ту куда намылился без меня, – поинтересовался Вовка.

– Да мне с тобой надоело, – прямо высказался младший, – то одно надо сделать, то другое, а мы бы уже в футбол сыграли пару раз и на Волгу пошли. А тут сиди с тобой.

– Миха, – проникновенно сказал брат, глядя ему в хитрющие глаза, – а тебе меня не жалко? Я ведь ничего не помню, куда идти, кто у меня друзья, кто враги. Давай договоримся, ты меня приводишь на пустырь, если там играют пацаны, я с ними знакомлюсь, может, там мои друзья будут, я то ведь их не узнаю. Ну, а после этого можешь со своими друзьями играть, я ведь вижу, что тебе до жути приключениями хочется похвастать, но смотри не переусердствуй.

Мишка несколько повеселел после этих слов.

– Слушай Вовка, гитару с собой возьми, там все обалдеют, когда ты заиграешь, – тут же предложил он.

– Нет уж, мне пока вчерашних приключений хватило, жалко же будет такой инструмент о чью то башку сломать, сказал старший брат и пошел переодеваться.

– Миха, а у меня плавки были, – крикнул он, застегивая застёжки на сандалиях.

– Есть, конечно, они на веревке во дворе висят, – сообщил тот в ответ. Они закрыли дом и тропинкой между домами направились к пустырю. Когда они вышли к месту, которое считалось футбольным полем, там было около трех десятков детей самого разного возраста от пяти лет до шестнадцати, многие пришли со своими братьями и сестрами, за которыми надо было присматривать, и теперь они, гоняя мяч, одним глазом глядели, что там творят их младшие родственники.

Когда Фомины подошли, игра прекратилась. Все собрались вокруг братьев и забросали их вопросами. Отношение было предупредительно уважительное, а пара человек и вовсе бросали очень опасливые взгляды.

– Понятно, – вздохнул Вовка про себя, – уже знают про Графа, а и хорошо, больше уважать будут.

– Ну, здорово мужики, – сказал он, – придется мне со всеми по новой знакомиться, так я и не вспомнил ничего.

После его слов раздался всеобщий вздох удивления.

Но, тем не менее, процедура знакомства была начата, все было, как у людей, рукопожатия и объяснения кто есть кто. Но вот, когда к нему подошел невысокий светловолосый крепыш и представился Славкой, Мишка быстро сказал.

– Вовка это же твой друг лучший, вы в школе за одной партой сидите.

Вовка после этих слов, вновь пожал тому руку и сказал:

– Слава, прости, так получилось, не помню ни хрена. Надеюсь, что мы с тобой будем и дальше дружить, мне все кажется, что вспомню хоть что-нибудь.

– Конечно, Фома, я ведь видел, как тебя потрянуло, тут все забудешь, неудивительно нисколько.

Вовка повернулся к Мишке.

– Ну, давай, беги к своим друзьям, но на Волгу без меня не ходи, понял?

Мишка только замотал головой и удрал к своим одноклассникам, которые соблюдали дистанцию и не лезли в разговоры старших.

– Ну, вот Слава, давай теперь ты начинай мне объяснять все с начала, кто здесь кто, с кем играем, да и вообще про наш класс расскажи?

Тот улыбнулся.

– Надеюсь, ты в футбол не разучился играть?

Его собеседник засмеялся.

– Да, нет, почему-то это не забылось.

– Ну, тогда давай знакомиться по-настоящему.

Через пятнадцать минут Вовка уже знал, кто в какой команде, и за кого он сейчас будет играть. Особо он имена не запоминал, надеясь, что за время игры это произойдет само собой. Один из парней, взял на себя судейство и даже бегал с настоящим жестяным свистком. Мяч был старый драный и по форме, больше напомнил ему яйцо, чем шар.

И вот игра началась. Через несколько минут Вовка убедился, играть здесь никто не умел, все, когда получали мяч, начинали бегать с ним, как придется, об игре в пас понятия никто не имел, а уж про что-то другое и тем более, так же не было разбивки на защиту и нападение, короче, все играли везде. Вместо ворот лежали несколько камней, которые вратари, во время игры незаметно сдвигали, что периодически приводило к шуму и ссорам. Тем не менее, он смог себя показать. Несколько раз, отбирая мяч, он легко обводил бегущих навстречу ему мальчишек, и спокойно закатывал мяч в ворота, как стоячего обводя и вратаря.

Поэтому минут через двадцать игра завершилась, потому, что другая команда стала предъявлять претензии, что треснутый молнией Фома стал слишком шустрым и пусть он лучше судит игру, а то так совсем нечестно.

И хоть ему совсем этого не хотелось, следующую игру пришлось судить ему. Когда же все убегались и сидели на траве около, избеганного до голой земли, поля, откуда-то к их грязной компании подошли несколько девчонок. Они, как все девчонки, начали загадочно хихикать, и болтать, но их взгляды все время останавливались на Вовке.

Он тихо спросил у Славки.

– Слушай, а чего вон та рыжая девочка с косами длинными все на меня глазами зыркает.

Славка засмеялся.

– Это же Нинка Скобарева, она сзади тебя за партой сидит, самая любопытная девка в классе. Думаешь чего они прибежали, уже все знают, что ты Графа вырубил, так, что готовься, они за тобой теперь ходить будут, ты ведь герой у нас.

Вовка в Славкином голосе без труда определил нотки зависти, к нему. Но решил промолчать и не накалять обстановку.

– А рядом с ней это кто, с темными волосами симпатичная такая?

– Ну, это наша красавица, Ленка Климова. Только она забита давно. Жбан, сказал, чтобы к ней никто не подходил, увидит отметелит.

– А Жбан это кто?

– Ну, Вовка с тобой теперь не соскучишься, Жбан это десятиклассник один Генка Жбанов. Он с прошлого года, как у Ленки титьки стали расти, в нее втюрился и сказал, чтобы к ней никто не подходил. А сам то, зубы гнилые, дурак дураком, но здоровый. Ха, ты же зассал Ленку зимой на Новый год на вальс пригласить, может, вспомнишь?

Ходил, ходил вокруг, а как поглядел на Жбана, так и испугался.

В это время Нинка Скобарева громко заявила, обращаясь к Ленке:

– Ой, ладно, и чего ты нас сюда притащила, тоска здесь смертная, мелкота мячик пинает. Пошли лучше на пляж, там хоть позагорать можно да искупнуться.

Вовка в этот момент обдумывал, что сказать своему, так называемому другу. Что-то он ему не очень понравился. Настоящий друг вряд ли бы стал так завидовать, что его приятель отколотил своего врага и по поводу девиц тоже вряд ли бы стал подкалывать.

– Нет, – все же решил он, – пока нет других вариантов, будем дружить, а там посмотрим. Когда он услышал громкие Нинкины слова, то сразу понял их подоплеку.

Он вскочил и обрадовано сказал:

– Девчонки вы на пляж, а можно и мы с вами пойдем?

Те переглянулись, как бы советуясь друг с другом, как будто только, что не провоцировали мальчишек.

– Ну ладно, – снисходительно сообщила Нинка, – можете идти с нами, только, чур, ты расскажешь, как дрался с Графовым.

– А кто вам такое сказал, – удивленно раскрыл глаза Вовка. Он сделал это так естественно, что Славка засмеялся, а девочки растерянно смотрели на него.

– Да, что вы его слушаете, придуряется он, – басом сказала третья девчонка, которая была на голову выше своих подруг, и к тому же на ней, единственной из всех был сейчас повязан пионерский галстук.

На вопросительный взгляд Славка с готовностью шепнул:

– Это наша председатель совета пионерского отряда Ирка Петрова. Она совсем стукнутая на голову, Учится на одни пятерки, плачет, когда четверку поставят. Видишь у нее галстук шелковый, так все время ходит, выделяется.

– Вы чего там шепчетесь, – с подозрением глядя на них, спросила Ирка, – а ты Фомин, оказывается драчун, ну ничего до школы остался месяц, и в сентябре, как раз будет время разобрать твое поведение. Мы ведь в октябре будем вступать в комсомол, так, что смотри.

– Ира, скажи, пожалуйста, – тут же спросил ее Вовка, – откуда ты узнала, что я якобы дрался с Графовым.

– Хм, – та презрительно скривила губы, – Мелкий, то есть, Генка Смирнов уже все рассказал.

– Значит получается так, председатель совета отряда пионерка Петрова не верит своему товарищу пионеру Фомину, а доверяет доносам хулигана Смирнова, который дружит с подозрительными личностями, по ночам шастает по улицам и занимается неизвестно чем? – с ехидцей заключил мальчишка. В голове которого был разум пожилого человека, прошедшего такие баталии в жизни, какие пока и не снились Ирке Петровой.

Ирка покраснела, как маков цвет, и только разевала рот, не зная, что сказать, а ее спутницы с новым интересом взглянули на Вовку. Славка, переводил глаза с Ирки на своего друга и видимо не мог понять, откуда у того появилось такое красноречие.

Но тут Климова, пользуясь авторитетом красавицы, которого не было у подруг, капризно сказала:

– Ну, хватит вам ругаться, пойдемте на реку, а то пока болтаете, и не позагорать будет.

Девушки втроем пошли в сторону реки, за ними немного поодаль шли Вовка со Славкой и прибежавший к ним Мишка.

На песчаном берегу было пустынно, несколько лодок стояли недалеко от берега, в них сидели старички рыболовы. Посреди реки шли баржи, которые тащили юркие буксиры. Вовка с интересом оглядывался по сторонам. Было понятно, что сегодня рабочий день и большинство людей на работе, но просто для него было очень необычно видеть пустой берег в такой хороший погожий день середины июля.

Они расположились около огромного ствола выкинутого сюда течением и начали скидывать на него свою одежду. Парни быстро засунули под трусы свои плавки и завязали шнурки. После чего, сдернув трусы, кинулись сразу в воду. Девчонки, делали это гораздо медленнее. Первой разделась Ленка Климова, она была в самодельном купальнике, который видимо, сшила сама. У Скобаревой был закрытый купальник, а Ирка осталась в майке и спортивных трусах. Они долго бродили вдоль воды, взвизгивая, но, наконец, залезли в воду. Далеко заплывать никто не стал, потому, что течение было сильным, и возвращаться к месту купания пешком было накладно. На Вовкину спину все пялились молча, никто по этому поводу его не спрашивал.

Накупавшись до дрожи, все вылезли на берег и рухнули в горячий песок. Вовка лежал на спине, с закрытыми глазами, в небе кричали чайки, он слушал плеск волн, девчачий смех и думал:

– Интересно, за, что мне выпала такое, прожить вторую жизнь, кто за это в ответе или это просто так распорядилась судьба, ничего не требуя взамен?

В это время ему на живот полилась холодная вода. Он открыл глаза, над ним стояла Ленка и поливала его из ладоней. Вовка вскочил и с криком:

– Ах, так, – кинулся за ней.

Та легко бежала по мокрому песку, и смеялась, Оставшаяся у дерева компания кричала и улюлюкала.

Он догнал девочку и, подхватив на руки, кинулся к реке. Ленка визжала и совсем ничего не имела против того, что ее окунают в воду. Ее талия была тонкая и упругая. И тут Вовка, неожиданно, почувствовал, что его орган не остался к этому равнодушен.

– Что я делаю, – вдруг подумал он, – пожилой человек, дед, и забавляюсь как ребенок с девчонкой.

Он отпустил руки, и Ленка встала напротив него, недоумевая, что случилось, и почему он прекратил, нравящуюся обоим, возню. Несколько мгновений он стоял, как бы раздумывая, что делать, но затем, глядя в смеющиеся Ленкины глаза, решил:

– а кто это знает, кроме меня и нечего об этом задумываться? – и с новой силой начал топить в воде радостно визжащую девчонку.

Когда они выбежали на берег, держась за руки, мимо проходили несколько парней постарше, они ничего не сказали, но заинтересованно посмотрели на парочку и пошли дальше, оживленно переговариваясь.

Ленка сразу перестала смеяться, и стала серьезной.

– Ну, вот я тебя подвела, – сказала она со слезами в голосе.

– А в чем дело? – удивился Вовка.

– Ты, что, действительно, ничего не помнишь, я думала мальчишки шутят, – сказала девушка, – это одноклассники Жбана, этот урод ко мне уже год пристаёт, из-за него меня все парни мимо обходят. Да ты сам, я же помню, как зимой смотрел на меня, а танцевать не пригласил, – с упреком добавила она.

– Ой девочка, – думал Вовка, – а вот мне кажется, что подстроила ты все классно. А я то старый дурак, думал, что к семидесяти годам начал понимать женщин. И сейчас чуть не

поверил, что ты все делаешь искренне. Еще пару дней назад ты бы и не подошла ко мне, а теперь куда я денусь от этого Жбана, придется драться, что же поделаешь, не объяснять же тому, что Лена нашла способ решить проблему, стравив двух петухов.

Вслух он этого конечно не сказал, а, по-прежнему держа ее за руку, повел к ребятам.

Пока они шли, Ленка негромко спросила его:

– Вова, а у тебя теперь на спине эта штука так и будет?

– А, что очень страшно, – переспросил Вовка.

– Нет, очень похоже на темное деревце с ветками, только еще немного красноты есть, тебе не больно?

– Ты знаешь, на удивление не больно, в больнице тоже доктора удивлялись, что у меня сильного ожога нет, а просто, как татуировка получились.

– Бедный, – с сочувствием произнесла девушка, и легко провела пальцем по его спине, сделала она это уже рядом, с лежащими на песке девчонками.

– Вот же, девка! – восхитился Вовка, – и ведь не учит никто, на одних инстинктах понимают, как надо поступать.

Славка смотрел на него со смесью зависти и жалости.

– Ну, все приятель, Жбану уже сегодня доложат, что ты Климову в воде щупал. – шепнул он другу, когда тот улегся рядом с ним, – Не знаю, правда где он сейчас, его что – то давно не было видно. Может, уехал куда? Но все равно к школе прикатит.

– Слушай Славка, а как ты думаешь, кто сильнее Граф или Жбан, заинтересовался Вовка.

– А не знаю, они одноклассники, только Граф уже два года, как ушел из школы, где-то вроде работает, Хотя раньше они между собой не дрались, но в классе все равно Граф макуху качал. Жбана бы тоже давно выгнали, но у него мать учительница, поэтому и учится еще.

Солнце начало опускаться к закату, когда все начали расходиться по домам. Мишка исчез со своими друзьями, заверив, что найдет дорогу домой и без старшего брата, Славка ушел с двумя одноклассниками, оставив друга вдвоем с Ленкой.

Они дождались, пока все скроются из виду и тоже пошли в сторону поселка. Им навстречу двигались многочисленные желающие искупаться после трудового дня.

Неожиданно Ленка спросила:

– Вова, ты меня простишь?

– За что, – ненатурально поинтересовался тот.

– Перестань, ты же обо всем догадался, я сразу поняла, – сообщила Ленка, – ты знаешь, как мне надоел этот Генка, и вообще я ни о чем таком не думала, но вот когда увидела его друзей, так и решила с тобой искупаться. Ты ведь его побьешь, правда? – наивно спросила она, – ведь Графа смог побить.

Вовка засмеялся.

– Ну, не знаю, я, если честно его совсем не помню, увижу, скажу.

Они медленно прошли по широкой улице до дома, где жила Лена, он ничем не отличался от их четырех квартирного дома, такой же маленький палисадничек, и внутренний двор с дровяниками. Во время этой прогулки их внимательно осматривали глаза всех, кто в это время находился на улице.

Когда они прощались, Ленка пристально посмотрела на него и сказала:

– Ты знаешь Фомин, я никогда не думала, что ты можешь быть таким внимательным и интересным. Ведь ты еще в прошлом году бегал по партам в классе и пел похабные частушки. Даже не верится. Может, завтра мы с тобой снова сходим на Волгу?

Вовка про себя засмеялся, конечно, от такого предложения первой красавицы класса любой мальчишка потерял бы остатки соображения, но он то, не такой мальчишка.

– Леночка, – проникновенным голосом сообщил он в ответ, – обязательно сходим, если так тебе хочется, но давай не будем загадывать, ты ведь завтра пойдешь в магазин?

– Ну да, – растерянно сказала Лена, – и что из этого?

– Вот и мы с братом завтра с утра там будем – улыбнулся ее собеседник, – там и договоримся, когда встретимся, потому что мне надо еще с ребятами в футбол сыграть. Он не стал говорить девушке, что ему надо как можно быстрее запоминать окружающих, а в игре это можно было сделать гораздо быстрее и непринужденней, чем в обычном разговоре.

– Ну, раз тебе футбол интереснее чем со мной загорать, тогда иди и играй, – сказала, надув губы, его собеседница, – очень надо, я-то тебя, как человека пригласила.

– Ого, какие заявления в столь юном возрасте, – восхитился про себя Вовка, – вот оказывается, когда нами уже начинают командовать.

– Лена, ну, в общем, завтра я тебя встречаю утром у магазина, – сказал он, повернулся и быстрым шагом пошел по улице, чувствуя спиной недоумевающий взгляд девчонки.

Дома, когда он пришел, были все, и, похоже, его уже ждали.

Мама, подозрительно ласково улыбаясь, смотрела на него.

– Ясненько, – понял Вовка, – Мишка заложил.

– Ну, как провожался? – с ходу спросил отец, – что-то ты зазнобу свою рано отпустил?

– Вечно тебе Паша надо влезть, – заступилась мать, – не смущай парня.

– Да я и не смущаюсь, – ответил сын, – действительно мы с Леной Климовой прошлись до ее дома, после пляжа и все.

– Лиха беда начало, – подмигнул отец, – сначала до дома, потом до сеновала.

– Пашка, ты, о чем с сыном говоришь, какой сеновал, им по пятнадцать лет еще, – закричала мать, – прекращай этот разговор!

– Хорошо, хорошо, – засмеялся чем-то довольный отец.

– И ржать перестань, – добавила мама, – радуешься, как будто сам провожался.

– Люда да ты посмотри, парень на глазах взрослеет, себя, наконец, поставил среди ребят, на гитаре играет, да еще и самую девку фасонистую в поселке прибрал. Фомин, одним словом! – и батя горделиво выпятил грудь, – в общем, сейчас ужинаем, а потом нам старший на гитаре сыграет, а мы послушаем, и решим, стоило ли ему гитару дарить, – сказал он свое веское слово.

Ужин, прошел, как будут писать когда-нибудь в газетах, в теплой и дружественной обстановке, и после него Вовке пришлось взять гитару в руки.

– Батя, так что сыграть? – спросил он у отца.

Тот долго не раздумывал.

– Спой сынок про войну, два года, как дома, а все она проклятая мне снится.

– Ладно, батя, тогда начну вот с этой – сказал в ответ сын и своим негромким голосом начал:

– Эх, дороги, пыль, да туман
Холода тревоги да степной бурьян
Сам не знаешь доли своей
может крылья сложишь посреди степей

После первого куплета Павел Александрович закрыл глаза, присоединился и начал подпевать своим низким голосом. И вскоре вся семья дружно выводила тоскливую тревожную песню войны.

Когда они закончили петь, мама вынула платок из кармана и вытерла заслезившиеся глаза.

Вовка же почти без перерыва начал следующую песню:

Вьется в тесной печурке огонь

На поленьях смола, как слеза

Закончилась эта песня и тут в двери постучали. На приглашение в двери зашли соседи, которых Вовка еще не знал, пожилой усатый одноглазый мужчина с ожоговыми шрамами на лице, и полная темноглазая женщина.

– Слухай, Паша, Люда, вы тут так спиваете, можно и мы с вами посидим, подпоем?

– Конечно, Василий Егорыч, какие разговоры, присаживайтесь за стол, у нас тут свой музыкант появился, не гармонист, конечно, но и на гитаре неплохо играет. Ну, что бы ты хотел спеть, старшина? – спросил отец.

– Что спрашиваешь, понятное дело о танкистах.

И понеслась песня о танкистах, которые задали перца самураям.

Когда вступила в общий хор жена дяди Васи, Татьяна, Вовка играть перестал, он просто сидел и слушал, как ее высокий голос сплетается с баритоном ее мужа. Пели они хором часа два, после чего дядя Вася сказал.

– Эх, душевно посидели, – и стал прощаться.

Вовка не выдержал и сказал.

– Тетя Таня, вам бы в опере петь с таким голосом.

Та же со своим мягким хохляцким акцентом сказала.

– Эх, хлопчик, какая опера, когда нужно было учиться, мы в деревне работали, очень тяжело, голодно было. А потом перед войной полегче стало, прослушали меня и пригласили в филармонию, а тут война, и пришлось вместо филармонии санитаркой в медсанбате, вот там и своего суженого встретила, – и она погладила своего усатого дядю Васю по руке.

Они ушли, и семейство Фоминых начало собираться ко сну.

На удивление Вовка заснул сразу, как положил голову на подушку.

– Наверно привыкаю, – была его последняя сознательная мысль.

Утром будильник и гимн разбудили его вместе с родителями. Отец только усмехнулся, увидев, что его старший надел шаровары и, как был в майке, выскочил на улицу. Когда Вовка прибежал вспотевший через полчаса домой, его уже ждали у дверей.

– Вова, вы должны сегодня расколоть все дрова, сходить в магазин и наносить воды сегодня суббота, завтра, я буду стирать белье. А вечером мы идем в баню, так что не задерживайтесь со своим футболом. Все понял?

– Так точно мама, – весело ответил сын и пошел к умывальнику. Там он открыл круглую коробку зубного порошка и начал чистить щеткой зубы.

Затем чайник был вновь поставлен на плитку, но тут под ним вспыхнул огонек, и, только что желтая спираль потемнела.

– Вот же, не вовремя плитка перегорела, – подумал он. Снял чайник и осторожно вытащил спираль из лабиринта фарфорового изолятора и та немедленно развалилась на несколько кусков.

Он чертыхнулся, и сев за стол, начал аккуратно скручивать кончики нихромовой проволоки. Когда уже заканчивал последнюю скрутку, через плечо склонился проснувшийся Мишка.

– Ага, опять спираль перегорела, – воскликнул тот, – папка всего несколько дней назад скручивал, как раз, когда тебя молния долбанула.

Вовка аккуратно вставил спираль в изолятор и воткнул вилку в болтающуюся розетку.

– Ох, Павел Александрович и лентяй, да и мой предшественник тоже, – подумал он.

Плитка задымила, и начала греться, на нее срочно был водружен чайник.

Когда сели пить чай, Мишка был поставлен в известность о колке дров, но воспринял это стоически, и только горестно вздохнул.

После хилого завтрака Вовка полез в коридоре в щиток, выкрутил пробку, в которой был вставлен медный жучок, и под комментарии младшего брата быстро прикрепил розетку к стене. Затем они отправились к дровянику. Где лежит колун, Вовка уже знал, и, вооружившись им, начал колку. Высохшее дерево кололось с трудом, но, тем не менее, дело двигалось. Мишка таскал наколотые дрова в сарай, старательно уворачиваясь от разлетающихся поленьев. Дров оказалось совсем немного, поэтому работа была завершена в рекордные сроки...

После краткого перерыва, была принесена вода, а затем они взяли список, который оставила мать, карточки и отправились в магазин.

Когда они подошли туда, оказалось, что Климова уже там. Она, видимо уже заняла очередь, и теперь стояла немного поодаль, ожидая их.

– Ну, наконец, то соизволил придти, – ядовито сказала она, – сам сказал, что с утра будешь ждать.

Младший брат, наострив уши и открыв рот, смотрел на них.

– Ты Мишуня иди, занимай очередь, а мы поговорим, – сказал Вовка и подтолкнул того в сторону магазина. Мишке до смерти не хотелось уходить, а послушать о чем будут говорить брат и девушка, но пришлось идти.

– Лена, прости, у нас были дела, да вообще то сейчас еще утро. Вон магазин еще не открыт.

– Фомин, тебе не кажется, что ты нахал? – спросила Лена, – ты, что теперь будет все время пользоваться тем, что я чувствую себя виноватой перед тобой?

– Кажется, – сказал тот, улыбаясь, – но буду пользоваться, когда еще так повезет.

– Ленка рассмеялась, и в этот момент была так хороша, что Вовка открыл рот.

– Ладно, тогда рассказывай, что мы будет сегодня делать? – спросила она.

– Так, будем делать все, как вчера. После магазина по домам. Потом мы с Мишкой пойдем на футбольное поле. Хочешь, приходи пораньше, посмотришь, как я играю, а потом отправимся на пляж. Только сегодня мы в баню идем, так что как вчера не удастся позагорать, – ответил он.

К Вовкиному удивлению, Лена согласилась и сказала, что обязательно придет. Между тем магазин открылся и вся очередь начала заходить вовнутрь, поэтому разговор пришлось прервать.

Когда они пришли на пустырь, Мишка немедленно убежал к своим одноклассникам и оттуда уже слышался его звонкий голос. Сегодня на пустыре народа было поменьше.

Но, тем не менее хватило, что бы собрать две неполные команды.

Вовкино появление было встречено с радостью, и немедленно разгорелась перепалка, в какой команде он будет играть. Пришлось даже кинуть жребий. И только тогда этот вопрос был решен. Как ни странно Вовка запомнил тех, с кем вчера играл и уже безошибочно называл всех по именам.

Когда игра была уже в разгаре, краем глаза он заметил тоненькую фигурку Лены Климовой, которая пришла на этот раз одна и сейчас внимательно следила за перипетиями игры. Вот только он не заметил молодого мужчину, спортивного вида, который внимательно наблюдал именно за его игрой.

Сегодня Вовке не везло, хотя его команда выиграла с разгромным счетом, но это случилось только потому, что половина другой команды следила именно за ним. И сейчас он усиленно массировал свои голеностопные суставы, которым неоднократно доставалась от сандалий и ботинок противников.

– Очень больно? – послышался девичий голос. Он поднял голову, рядом стояла Климова и сочувственно улыбалась.

– Ну, как сказать, в раздумье протянул парень, – бывало и больней.

В это время к ним подошел мужчина, наблюдавший за ходом игры.

– Ты ведь Володя Фомин, не так ли? – сразу перешел он вопросам.

– Ну, да, а что вы хотите?

– Ну, во-первых я физорг нашего завода зовут меня Юрий Александрович, так вот Володя, ты наверняка, знаешь, что наша партия и правительство и лично товарищ Иосиф Виссарионович Сталин, уделяют огромное внимание развитию в нашей стране физкультуры и спорта. А вот, что ты не знаешь, в этом году нам пришла директива организовать заводскую футбольную команду. Ты, конечно, по возрасту еще нам не подходишь, но мы тут с директором завода и профкомом обговорили и решили, что нам нужна еще молодежная команда, которая будет резервом нашей основной. Поэтому, я который день обхожу вот такие самостоятельные игровые площадки и агитирую игроков, которые выделяются на общем фоне.

– И много вы таких игроков нашли, – спросил Вовка с интересом?

– Вполне достаточно и даже с избытком, – в тон ему ответил физорг, – я и тебя уже видел недели две назад, но тогда ты на меня впечатления не произвел, а сегодня временами показывал, что-то похожее на игру. Это правда, что тебя молния ударила?

– Да было дело, – сказал Вовка и задрал майку.

– Однако! – воскликнул Юрий Александрович, – но все равно, если пройдешь наших эскулапов, то я тебя возьму, а там посмотрим. Ты то, как согласен?

Да я согласен, вот только вам надо с моим отцом поговорить, он хотел, чтобы я десять классов закончил, и пошел учиться на инженера. А так ведь мне придется поступить рабочим на завод.

– Послушай парень, – серьезно посмотрел ему в глаза физорг, – ты будешь работать, получишь рабочую специальность, и сможешь угостить девушку мороженым, – тут он кинул взгляд на Лену, – на свои заработанные деньги, которые не надо кланчить у родителей. Притом у тебя будет укороченный рабочий день еще два года, хватит времени на тренировки, и притом, никто не мешает тебе идти в вечернюю школу. А потом все равно ты пойдешь служить в армию. И подумай сам, кем там будет служить хороший футболист? Конечно, если ты им станешь, – оговорился он под конец.

– Хорошо, Юрий Александрович, – я согласен, легко сказал Вовка, – ваше дело переговоры с моим отцом.

– А он у тебя в партии?

– Да, он с 42 года коммунист.

– Ну, какие тогда проблемы, позовем в партком, сообщим о чести, которой удостоился его сын, думаю, проблем не будет.

– Хрен его знает, будут они у вас или нет, Павел Александрович человек настроения, – подумал Вовка.

На этом они распрощались, договорившись, что дальнейшее ему расскажет отец, и Юрий Александрович целеустремленным шагом двинулся дальше.

– Вова, так, что с нами не будешь учиться? – разочарованно спросила Лена, – а как же я?

– Ох, ничего себе, моя девушка расстроилась, что не будет мордобоя, – восхитился он.

Лена, ну, что ты, мы же может встречаться и без школы, я могу даже в гости к тебе приходить, – нахально предложил он.

– Хорошо, мы еще поговорим об этом, а пока давай пошли быстрее, там видишь, рыжие косы Скобарева торчат, – нетерпеливо сказала Климова.

В это время к Вовке подлетел Славка.

– Ты, что уже уходишь, а мы с парнями идем в водонапорную башню, Сашка Плесковский у отца мелкашку взял и патронов тридцать штук. Пошли, может и нам раза по три выстрелить дадут.

Вовка посмотрел на Лену, которая с тревожным выражением лица следила, как к ним подбираются ее заклятые подруги, и с сожалением сказал:

– Не Слава, как-нибудь в другой раз.

– Ну, и дурак, другого раза может и не быть, – сказал Славка и побежал к четверем парням, ждавших его неподалеку.

После этого Вовка и Лена, взявшись за руки, побежали и скрылись из вида разыскивающих их подруг, и в той стороне некоторое время были слышны затихающие возмущенные Мишкины вопли.

– Погодите и я вами!

Накупавшаяся троица сидела в тени кустов, потому что июльское солнце жарило со страшной силой, и, кроме того, они надежно защищали их от нескольких девчонок, которые уже пару раз проходили мимо, периодически пытаясь докричаться до Климовой.

Мишка увлеченно строил замок из песка, который бы при своих сверстниках строить не стал. А Вовка с Леной болтали за жизнь. За последний час Вовка узнал о своих одноклассниках столько, сколько вращаясь только среди парней, просто никогда бы не услышал. Вот только сведения эти были ему теперь почти ни к чему. Свидетельство об окончании семи классов у него было, и на завод его могли взять, хоть завтра. Так, что в школу он этой осенью не идет. Он не сомневался, что отец, не пойдет против партийного комитета, и разрешит все, что там попросят. Конечно, не очень улыбалась перспектива плыть по течению, но в настоящий момент ничего лучшего у него и не было.

Рассуждая про себя, он не забывал болтать с Леной, шутил, рассказал несколько анекдотов, которые не сильно выходили за рамки этого времени.

Поэтому, когда наступило время идти домой, Ленка поднялась с песка неохотно, и, натягивая через голову платье, сказала:

– Никогда не думала, что с мальчишкой буду сидеть и болтать, лучше, чем с подружкой. Ты оказывается Фомин еще тот болтун.

Они вместе дошли до поселка.

Дома был кавардак, с постелей снято все постельное белье, которое горой лежало на полу. Павел Александрович бережно строгал хозяйственное мыло, в большой оцинкованный бак, с краями, проржавевшими от старости.

– Где черти вас носят, – недовольно сказал он, – знаете же баня сегодня. В это время мама начала скидывать белье в бак, залила его водой, и сказав:

– пусть замокнет, – закрыла крышкой.

Сумки в баню были давно готовы, и они отправились в путь. Когда семейство Фоминых вышло на улицу, таких семейств, шло в баню не один десяток. Все вежливо здоровались друг с другом, и продолжали, не спеша, идти по краю пыльной дороги.

– Батя, – зашептал Мишка, – ну давай хоть раз быстрее пойдем, хоть кого-нибудь обгоним.

– Я тебе обгону, – лаконично ответил отец, – как придем, так придем, баня пока кто-то будет мыться, не закроется.

– Ага, а пар, ты сам все время говоришь, что пару не хватило.

– Ну, это такое дело, сынок, пару вишь, всегда не хватает.

Они зашли в почти полностью заполненный вестибюль, люди сидели на стульях, ступеньках лестницы, и даже на своих сумках. Мама прошла к кассе, у которой, как ни странно, народа не было, и купила четыре билета.

После этого они разошлись, отец с сыновьями занял очередь в мужской гардероб, а мать в женский. Настало томительное время ожидания. Время от времени со второго этажа спускался распаренный побритый мужичок вальяжно подходил к стойке гардероба и протягивал алюминиевый номерок на шнурке. В ответ ему выдавалась кепка, или куртка, и потом он нырял в темный проход, откуда раздавались мужские голоса и звяканье пивных кружек. Счастливчик из

очереди срочно отдавал гардеробщику какую-нибудь вещь, и почти бегом устремлялся наверх. Не прошло и трех часов, как Фомины получил два номерка, двинулись наверх.

В раздевалке в три ряда стояли шкафчики с номерами. Мишка бегущий впереди быстро нашел нужные, соответствующие номеркам гардероба.

Сумки были поставлены на пол шкафчиков, грязная одежда сложена в пакет, достаны лыковые мочалки и куски стирального мыла. И, наконец, батя, развернув главный пакет, вытащил сухой дубовый веник.

– Ты Лександрыч, я гляжу, веников на год вперед сушишь, – сказал, улыбаясь, раздевающийся рядом мужчина, – лето на дворе можно и свежий нарвать, он духовитей будет.

– Ага, – скептически ответил батя, – духовитей – это да, а вот лист как сопли липнуть на теле будет. Я уж лучше прошлогодним побьюсь.

Его старший сын из своего опыта, гораздо большего, чем у отца и его соседа, мог бы многое добавить по этому поводу, но благоразумно промолчал.

– Вовка, сходи-ка к тетке Марье, пусть наши шкафчики закроет, сказал отец и встал, собираясь идти в мыльню.

Тот отправился к выходу из раздевалки и дошел до стола, за которым пила чай неопрятная старуха, равнодушно вззирающая на мужские муди.

– Э-э, здравствуйте, батя шкафчики просил закрыть, – сказал он бабке, даже не поднявшей на него взгляда. Вместо ответа она вздохнула, встала и взяла ключ, представляющий ручку с короткой изогнутой углом толстой проволокой. Она прошла за ним вставила проволоку в дырку на дверце и поворотом ручки, закрыла его, потом второй.

– Номерок не потеряй, тетеря, – сказала она Вовке, увидев, что тот вертит его на пальце.

– Не бабуля, не потеряю, – ответит тот и пошагал в мыльню. В большом гулком зале мылись несколько десятков мужчин и детей самого разного возраста, не было только самых мелких. Пока Вовка ходил, его брат и отец уже нашли себе место и на лавке стояли три шайки с положенными туда мочалками. Места эти уже были окачены кипятком и слегка парили. Батя обвел глазами зал и не найдя больше свободных тазов в своем запарил веник. Номерки были привязаны к ручкам шаяк.

– Ну, что орлы, пошли в парилку, – сказал отец.

– Да ну ее, там страшно, ничего не видно, шум такой, все кричат, можно я здесь посижу, буду мыться, честно! – начал ныть Мишка.

Отец посмотрел, махнул рукой.

– А, сиди, а то, как в прошлый раз не дашь посидеть нормально, пошли Вовка.

Они зашли в дверь парной и замешкавшему Вовке сразу крикнули сверху:

– Эй, пацан, двери закрывай!

Да, пожалуй, такой парилки ему видеть не приходилось. К ее обустройству отнеслись очень просто, про сухой пар здесь никто знал. Под, возвышающимися к потолку сиденьями, из стены торчала труба с вентилем, откуда с шумом, клубами тумана вырывался пар. В этом пару было почти ничего не видно, одна лампочка под стеклянным колпаком не могла хорошо осветить эту камеру пыток. И на всех ступенях сидели и хлестали себя вениками десятка полтора мужиков. Кто есть, кто можно было разглядеть только с полуметра, но старшего Фомина узнавали по размерам.

– О Пашка, зашел, ну давай к нам на верхотуру залазь! И сынка привел, правильно, о ни... себе, это что у него от молнии, что ли, – разошелся один дедок, увидев Вовкину спину.

– И вечно ты Ермолаич, лезешь с вопросами своими, – прогудел с верней полки здоровый черноволосый амбал, – Пашка, давай сюда сразу наверх, и сынка волоки, будем его по-нашему лечить, по-деревенски.

Они уселись на горячую, мокрую, широкую скамью, Некоторое время сидели молча, ожидая, пока кожа даст пот. Но во влажном пару, было трудно определить этот момент.

– Нет, конкретно, – эта парилка Вовке не нравилась, очень влажно, душно. Но другой, увы, не пока не было.

Он посидел среди мужиков, без особого желания попарил себя веником.

Мужики, же от души нахлестывая себя вениками, разговаривали о том, о, сем. Как вдруг один из них сказал:

– Слушайте, собрался в баню выхожу на улицу, а к Плесковским черный «воронок» подъезжает...

Все на мгновение замолчали, потом уверенный голос Ермолаича нарушил тишину.

– Да что вы, робя, приуныли, что там с Мишки взять, работает на своем компрессоре, и знать больше ничего не знает. Может, перепутали с кем?

Постепенно разговор оживился, всем хотелось, чтобы у Мишки, который, видимо был известен всему поселку, все было хорошо.

Но в Вовкиной, сейчас почти фотографической памяти звучали Славкины слова:

– Сашка Плесковский взял у отца мелкашку пострелять.

Ему вдруг надоело в парной, он вышел и присоединился к Мишке, который сидел около тастика и валял дурака.

С его приходом брат оживился и начал кое-как мыться. Вскоре к ним присоединился и отец. Он был мрачен, и несколько раз выругался, а Мишка словил подзатыльник. Они помылись до красноты натерли друг другу спины и, ополоснувшись пошли одеваться. Увидев очередь в парикмахерскую, отец чертыхнулся и направил свои ноги в буфет. Мама, как и следовало, ожидать, еще не появлялась.

Буфет также был полон народа, но из этой очереди Павла Александровича уже было не оторвать. За стойкой стояла огромная буфетчица, увидев Фомина, к которому была явно неравнодушна, она воскликнула:

– С легким паром, Павел Александрович, вам, как всегда?

И тут же налила ему две кружки жигулевского, причем шапка пены была не в пример меньше чем у его предшественников.

Парням было куплено по бутылке сидра, они подошли к одной из пустых бочек, во множестве, стоявших в зале и принялись за питье.

Краем уха Вовка слышал разговор стоявших за соседней бочкой.

– Это пацанье, придурки, стреляли в водонапорной башне. Представляешь, по газетному портрету Сталина, суки. Ушли и даже пробитую газету не сняли. Кто стукнул, х. з.? Только кипешь такой поднялся, всех парней и родителей взяли, что теперь будет х. з?

Батя тоже услышал этот разговор и, наклонившись к Вовке, очень тихо спросил:

– Ты то почему не там? Славка же твой друган лепший?

Вовка в тон ему шепнул:

– Я отказался, пошел гулять с Леной.

Отец выпрямился, и облегченно вздохнул, по его лицу потек пот, он залпом выдул вторую кружку и пошел еще за двумя.

Вскоре в дверях буфета появилась мама, она с тревогой оглядывала зал, и, увидев своих, мгновенно успокоилась.

– А вы еще лимонад пьете, налейте и мне стаканчик, – попросила она, тщательно замаывая голову полотенцем.

Закончив с пивом, отец повел свое семейство домой. Уже совсем стемнело, и только редкие фонари освещали улицу, по которой шли такие же припоздавшие банщики.

Когда пришли домой, и мать стала разбирать сумки, отец взял кيسет с махоркой, ловко не глядя, скрутил самокрутку, и предложил Вовке прогуляться.

Они медленно шли по улице, было тепло, и даже душно, наверно скоро соберется гроза.

Отец курил, и молчал. Стоявшая на углу стайка подростков, приклатного вида, увидев их, перебежала на другую сторону улицы, и оттуда робко поздоровались.

– Ну, что сын, ты понял, что все не так просто, – наконец, спросил он, – ведь эта девочка тебя сегодня спасла от тюрьмы, ты понимаешь?

– Вовка сделал вид, что проникся, не будет же он говорить отцу, что если бы он присутствовал при этом событии, то просто не дал бы повесить такую газету в качестве мишени.

– Ты уже взрослый парень, понимать должен, что можно, что нельзя.

– Папа, – прервал его сын, – ты знаешь, сегодня ко мне физорг завода подходил, спрашивал, не соглашусь ли я в молодежной заводской команде играть.

Отец нахмурился.

– Ну, а ты что сказал?

– Я сказал, что, в общем, не против, но чтобы он сам с тобой поговорил, согласишься ты или нет.

Старший Фомин повеселел.

– Ну, если с моего разрешения, тогда подумаем. Тебе же придется на работу устраиваться на завод. Я слышал, про эту команду, говорили, завод купит, форму спортивную, отдельный паек у вас спортивный будет, по крайней мере, на партийном собрании это дело мы обсуждали, все понимают, что если после работы, да еще и бегать, без еды вы ноги протянете. Ну, а учиться сможешь в вечерней школе, да и деньги не лишние в семье будут. Ты знаешь, я пожалуй и соглашусь, только вот возьмут ли тебя? Хлюпик ты у меня еще.

Ну, тут батя, пожалуй, хватил лишку, хотя, конечно, он сравнивал сына с собой. Только, что сравнивать кряжистого мужика 190 сантиметров роста и сто двадцать килограмм веса, который на войне чуть ли не одной рукой подталкивал снаряд Катуши на направляющие вместе с двумя заряжающими, тащившими этот снаряд на лямках. и, паренька, пятнадцати лет, который только начинает, по-настоящему расти. А так он ничем не был хуже своих сверстников.

Они пришли домой, ужин уже грелся на плите, рядом с огромным баком, в котором собиралось кипятиться белье.

– Ну, что насплетничались, – с любопытством спросила мама, – со мной то поделитесь, о чем разговор был.

– Так вот мать, будет наш сын футболистом, честь завода защищать, – громко сообщил Павел Александрович.

Мать села на табуретку.

– А как же школа, мы уже и деньги на учебу отложили? – спросила она.

– А что деньги пригодятся, парень работать будет, тренироваться, ну и вечернюю школу будет посещать – бодро изложил батя.

– Ну, вот, Вовка на завод пойдет работать, а мне в эту школу снова идти, так нечестно, – заныл Мишка.

Отец улыбнулся.

– Учись парень, ученье свет, а не ученье тьма. Кто это сказал, не помнишь?

Мишка уныло покачал головой.

– Великий полководец это сказал – Александр Васильевич Суворов, так что учись сынок, ты у меня точно офицером станешь, – сообщил отец.

Вовка мог бы уточнить происхождение русской пословицы, но не стал, зачем вносить смуту в тихий вечер и говорить о библии.

Когда сели за стол отец огласил программу на воскресенье:

– Так завтра встаем в пять часов, Вовка, помогает матери с бельем разобратся. Мишка за червями. Я готовлю снасти. И чтобы к шести мы были уже на реке.

– Ура, рыбалка, – раздался Мишкин вопль. Мама сердито сказала:

– Пашка, ты опять за свое, сколько можно, один выходной и ты опять на рыбалку и парней за собой тащишь. А кто уборку делать будет, белье полоскать?

– Люда, это ты опять за свое. Ну, что переживаешь. Посидим зорьку, и часам к одиннадцати придем. Парни займутся уборкой, а мы на колонку пойдем белье полоскать. Ну что ты хмуришься, моя желанная.

Отец обнял маму за плечи, та, казалась в его объятьях маленькой девочкой.

– Паша, ну так нельзя, то меня в упор не видишь, а как, что-то нужно, так сразу желанная, – воскликнула мама. Но по ее порозовевшему лицу и улыбке было видно, что Павел Александрович хорошо знает, как разговаривать со своей женой.

– Ладно, – сказала она, – идите уж, но смотрите, если к одиннадцати утра не появитесь, худо вам будет.

– Появимся, мама, появимся, – хором заверили три мужика, сидящие за столом.

Когда сильные руки отца сдернули с Вовки одеяло, тот еще спал и видел сны, как он вколачивает очередной гол в ворота соперников на стадионе в Лунниках, и тысячи людей на трибунах кричат: – Гооол.

– Вовка, вставай, пора, – шепнули ему в ухо. Он открыл глаза, было еще совсем темно. Над ним отец расталкивал не желающего встать Мишку. Тот сонно ворочался в постели и отбивался, как мог. Отцу надоело, и он просто взял и вытащил его оттуда.

Чайник уже гудел на плитке. Вовка выжимал еще горячее белье и складывал его таз, из которого потом мать будет его доставать и отстирывать на стиральной доске. Мишка схватил жестяную банку в коридоре и саперную лопатку убежал с воплями палисадник копать червей.

Отец тем временем заварил сухарницу, их любимое блюдо. Полпакета черных сухарей с небольшими вкрапления единичных белых сухариков, было щедро посыпано солью, мелко нарезанным луком, это все он залил бурлящим кипятком и удобрил двумя столовыми ложками постного масла.

Мишка, зашедший через двадцать минут восторженно взвизгнул.

– Ура тюрю будем есть!

– Тише, – угрожающе сказал батя, – сейчас мать разбудишь, получишь по башке!

Они сели за стол и в три ложки в мгновения ока подъели всю сухарницу из большой жестяной миски. Потом был кирпично-красный чай с отколотым кусочком кускового сахара в прикуску, и затем рыбаки, накинув куртки, отправились к реке. По широкой тропе таких рыбаков двигалось немало. Они тихо беседовали между собой, старательно избегая темы рыбной ловли. Когда пришли к реке, то солнце уже освещало их берег. Другая же сторона была еще в тени.

Старая плоскодонка, лежала затопленная в воде. Отец напрягся, мышцы на руках вздулись буграми и он с хеканьем за цепь, вытащил лодку, заполненную водой на берег. Потом они повернули ее на бок и смотрели, как оттуда выливается вода, вместе с мальками и прочей живностью.

– Батя, – спросил Вовка, – а почему у нас лодка затоплена в воде?

Тот с недоумением посмотрел на сына.

– Ох, я все сам забываю, что ты не помнишь ни черта, – ругнулся он, – да все руки понимаешь, не доходят высушить, а потом проконопатить, и просмолить. А так, по крайней мере, если и течет, то совсем малость.

– М-да – подумал Вовка, – вот еще у меня одна задачка появилась, – ведь рыбалку он любил не меньше, чем его новый отец.

Из прибрежных кустов было извлечены весла, две доски и камень с веревкой, какие-то глиняные шары. Со скрежетом открылся замок на цепи. И через несколько минут лодка была уже на воде.

– Вовка, Мишка давайте на весла и на наше место гребите, – сказал отец и уселся на заднее сиденье, отчего нос лодки немедленно задрался вверх.

Парни налегли на весла и медленно двинулись вверх по течению. Двигались они недолго до большого затона и по указанию отца встали как раз в том месте, где течения реки встречалось с медленной водой затона, образуя заметную струю с мелкими водоворотами.

Тем временем, пока они пыхтели на веслах, отец разбирал удилища.

Когда встали на якорь, и течение развернуло лодку, батя вручил им удочки. Длинные сухие ореховые удилища были, в общем неплохи. Но вот все остальное... Толстая, пожелтевшая леска, наверно с полмиллиметра, конечно, никаких катушек, ржавые крючки и поплавок из пробок, через который продернута леска и заткнута спичкой. Грузила были сделаны из свинцовой ленточки обернутой вокруг лески и закусенной зубами.

– М-да, – скептически подумал Вовка, и кто на это интересно клюнет?

В это время на дно с плеском и шумом ушел первый глиняный шар, за ним второй.

– Ну, все, – с удовлетворением сказал отец, – теперь ловим.

– А что там, в шарах? – спросил Вовка брата.

– Ох, Вовка, трудно с тобой, – вздохнул тот, – мы же сами ракушки собирали и камнями молотили, чтобы потом с глиной мешать. Батя все говорит, что на тухлятину сом придет.

– Но сомов пока не было, зато крупная густера, начала хватать наживку не раздумывая, и вскоре на дне лодки уже заметно отсвечивало серебром. В очередной заброс Вовкин поплавок ушел под воду, и он подсек, что-то приличней, чем густера. Минута борьбы и на поверхности блеснул желтизной большой лещ.

Отец закричал:

– Осторожней не поднимай!

Но Вовка и не собирался этого делать. Он аккуратно подвел рыбину к лодке, и та моментально попала в стальные пальцы бати, который век не возил с собой подсачек.

За таким клевом время шло незаметно, но солнце поднималось, и рыба клевала все реже.

Было поймано еще три крупных голавля, но леща, такого, как у Вовки больше не было.

Наконец, был отдан приказ, поднять якорь и лодку медленно понесло течением туда, откуда она пришла три часа назад. Вовка, подправляя веслами путь, размышлял:

– Интересно, сколько рыбы можно будет поймать, если займешь нормальные снасти?

На берегу, они переложили всю рыбу в мешок. Вновь затопили лодку и с сознанием хорошо сделанного дела пошли домой.

Батя был доволен и, пыхтя самокруткой, по дороге разглагольствовал, что давно так не отдыхал. И что теперь густеры навялит прилично, а уж лещ с голавлями пойдут сегодня на сковородку. Все равно хранить негде.

Когда они пришли домой, у мамы уже заканчивалась стирка, на улице в тачке лежала оцинкованная ванна и белье в тазах. Сама мама сидела на кухне и сплетничала с соседкой. Увидев рыбаков, та льстиво начала расспрашивать:

– Лександрыч, я смотрю удачно вы порыбалили, мешок, то эвон какой несете, рыбки мне на бедность не подкинешь?

Батя сморщился, но сунул руку в мешок и, вытащив одного из голавлей, сунул в руки настырной бабе. Та рассыпалась в благодарностях и выскочила за дверь.

Когда дверь за ней закрылась, он с недоумением сказал:

– И ведь как узнает, что с рыбой мы сегодня, вот в прошлый раз не поймали ничего, и этой профуры тут не пахло?

– Ой, ладно, Пашка, не обеднеешь ты от одной головы, помогать соседям надо, – настаивательно сказала мама.

– Ага, обеднеть, не обеднею, только она, к нам, как на работу сюда ходит, – уже спокойнее сказал Павел Александрович.

На этом беседа закончилась. Отец подхватил тяжелую тачку, и отправился на колонку вместе с женой. А братьям осталось задание засолить всю рыбью мелочь и приготовить остальное к жарке. Они занимались этим на улице, и скоро около Мишки собралось несколько пареньков, которые о чем-то с ним шушукались. Когда они убежали дальше, по своим мальчишечьим делам Мишка сказал:

– Вовка, слышь, ребята рассказали, что сегодня с утра почти всех парней с родителями домой отпустили. Оставили только Сашку Плесковского и Славку Свистунова, говорят, их судить будут. Ну и правильно, ишь чего придумали, в самого Сталина стрелять, – добавил он с ожесточением, – Если бы не Сталин, нас всех фашисты убили, а они сволочи, так им и надо – завершил он свою краткую речь.

Его брат, в этот момент, заливавший соевым раствором рыбу, согласно кивнул головой. Хотя, в отличие от Мишки он так категорично не считал, ведь когда ребята вешали эту газету на стену, они не размышляли, кто там изображен, а просто думали, что это удобная мишень, и если бы у них был выбор, то, скорее всего, на стене висело другое изображение.

– Вовка, пойдешь сегодня на танцплощадку? – неожиданно спросил Мишка, – ты ведь все время со Славкой туда ходил?

– А, я, что на танцы ходил? – удивился тот.

– Конечно, ты этим летом все время с ним шляется. Хотя пацаны говорили, что вы только рядом ошивались, а на саму площадку не заходили.

– Мишка, ты же знаешь, что я не помню ничего, ты все, что хочешь сейчас можешь насочинять?

– И ничего я не сочиняю, – протянул тот обиженно, – Мне Жека рассказывал, что вы со Славкой только стояли и рты раскрывали.

– Понятно, – сказал Вовка, – не Миха, на танцплощадку я не пойду, что-то нет желания.

– Конечно, я так и думал, – вздохнул младший, – с тех пор, как тебя молния треснула, ты здорово изменился. Мама тут папке сказала, что ты резко повзрослел, и тебя просто не узнать, когда поняла, что это ты розетку прикрутил, так батя сразу фитиль вставила.

Она то сперва думала, это батя постарался. Ну ладно, если ты не хочешь на танцы идти, может, пойдём к Кияновым, где на углу дрова лежат, вечером все там собираются, а ты гитару возьмешь.

– Конечно, – подумал старший брат, – хочет прильнуть к славе гитариста, и песни там придется петь соответствующие.

– Мишка, ты же сам только сказал, что все мои одноклассники на танцплощадку пойдут, так мне, что с мелкотой твоей сидеть.

– Вовка, ты знаешь, – неожиданно серьезно сказал Мишка, – после того, как ты Графа побил, ты у нас считаешься самым здоровым. Меня тут раньше Генка Чернов все подлавливал и колотил, если я вовремя не удеру. А когда про тебя узнал, начал за руку здороваться, все спрашивает, когда ты в Софроновскую кодлу пойдешь. Вот было бы здорово! – добавил он мечтательно, – меня бы тогда тоже зауважали.

– Забудь, – жестко ответил Вовка, – никаких кодл не будет, ты, что вором хочешь стать, узнаю, что корешишься с такими обалдуями, сам, без бати тебе плюх навешаю.

– Да это я так, думаю просто, – поспешно ответил Мишка, – а все-таки здорово, – добавил он мечтательно, – вон Чернов так плюется, цикает на два метра, самокрутки курит, и никого не боится, потому, что кодла за ним, кепка у него тоже клевая, нам бы купили такие, а то все тюбетейки носим. А стрижка у него какая – полубокс, а нас то в парикмахерской налысо стригут.

На этом их диалог на некоторое время закончился, потому, что в конце улицы показались родители. Отец вез тачку с прополосканным бельем, а рядом с гордым видом шла мама.

– Да, уж – мелькнула мысль у Вовки, – действительно, может гордиться, муж прошел всю войну и пришел домой без единой царапины, когда вокруг сирот полным полно, и сейчас вдовы, смотрят на нее из-за занавесок. И сегодняшняя гостя, не зря сюда бежит, а она то ее как раз зря привечает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.